ISSN 0130-2574

КОСТЁР

6
ИЮНЬ
1989

КОСТЁР

6
ИЮНЬ
1989

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Издается с июля 1936 года

© «Костер», 1989.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Пушкин-историк
Н. Скатов — 2

Творчество твоих ровесников — 4

«Душа, двойным огнем согрета...»
очерк А. Ефремова — 5

Пушкиногорье
из блокнота художника
О. Филипенко — 8

Где же бывал Пушкин!
очерк М. Чулаки — 10

История, не заданная на дом
очерк С. Ивановой — 12

Веселый звонок — 16

Один летний день
заметка Н. Давыдовой — 17

Собор
рассказ И. Измайловой — 18

На Курской дуге
повесть В. Ляленкова — 25

«Мы знаем, что ныне лежит на весах...»
страницы воспоминаний
В. Берестова — 32

Ахматова и Пушкин
очерк А. Павловского — 37

Дуэль, которой не было — 39

Зеленые страницы — 40

Рассказы о библиотеке Пушкина
очерк В. Парфенова — 42

«Только версты полосаты...»
заметка В. Суслова — 44

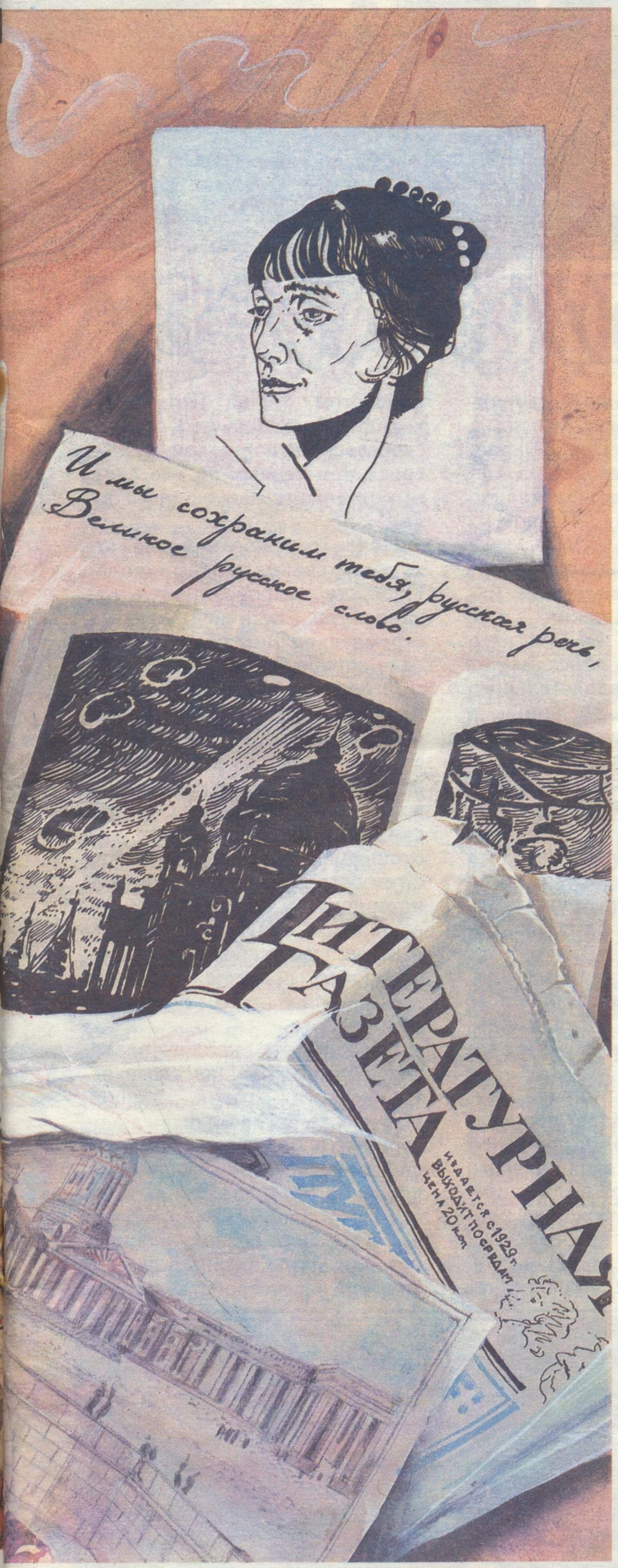
Вслед за Пушкиным
заметка И. Смольникова — 45

Экскурсия на завод — 46

Арчебек
шахматы и шашки — 47

На обложке рисунок Г. Ежкова

Дорогие друзья!

В этом зелено-голубом месяце, когда в Ленинграде пора белых ночей, счастливо совпали юбилеи двух поэтов, связанных судьбой и творчеством с городом на Неве.

Александр Сергеевич Пушкин — солнце русской поэзии, такой живой и близкий всем человек,— родился 6 июня, 190 лет назад.

Отмечаем мы в июне и столетие со дня рождения Анны Андреевны Ахматовой, замечательная лирическая поэзия которой озарена пушкинским светом.

События эти настолько значительны для каждого из нас, для всей нашей культуры, что мы почти весь номер журнала составили из материалов, посвященных нашим великим соотечественникам.

Пушкин — многогранен и неисчерпаем. Кроме самого привычного сочетания Пушкин-поэт, мы знаем Пушкина-прозаика, Пушкина-мыслителя и философа, Пушкина-критика, Пушкина-журналиста, редактора журнала, издателя... Но сегодня нам показалось важным подчеркнуть его обращение к истории.

И читая статью Н. Н. Скатова, директора Института русской литературы (или Пушкинского дома, в нем хранятся рукописи и книги поэта) «Пушкин-историк», задумаемся над тем, что история страны складывается из маленьких историй каждого рода, каждой семьи, и зададим себе вопрос: «А что мы знаем о своей родословной?» Давайте спросим дедушек и бабушек. А что вам известно о своих прадедушках и прабабушках? Заметка об экскурсии на завод, которую вы прочтете в журнале, как раз об этом. А может быть, вам расскажет дедушка о сражениях Великой Отечественной войны? Это тоже наша история — в июне мы всегда помним 22 число — день начала войны.

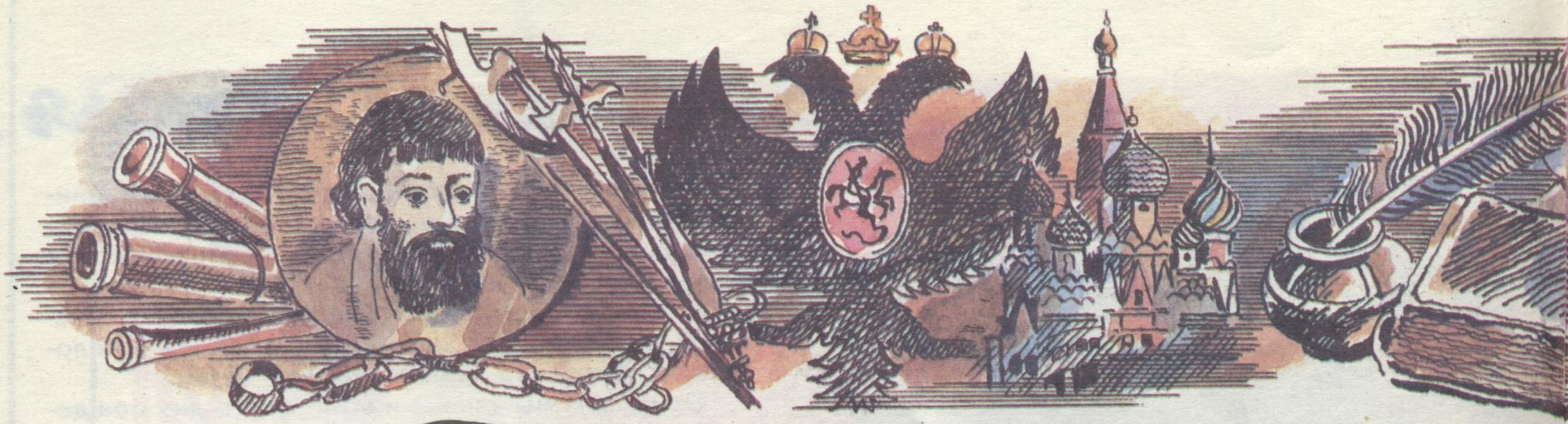
Рядом с именами Пушкина и Ахматовой встает образ Петербурга-Петрограда-Ленинграда.

Рассказы и очерки этого номера проведут вас по проспектам и набережным, поведают об исторических зданиях, о мастерах, их возводивших.

А как мы бережем нашу старину, реликвии прошлого, архитектурные достопримечательности? А названия городов — разве не история? Писатель Михаил Чулаки обращает внимание на многие необдуманные переименования. Его статья «Где же бывал Пушкин?» перекликается с очерком журналиста С. Ивановой о ребятах, охраняющих памятники истории и культуры.

Приобщаясь к творчеству великих поэтов, мы становимся светлее, душевнее.

И сегодня к Пушкину и Ахматовой идут люди — писатели, художники, школьники. Углубляясь в изучение их произведений, посещая места, где они бывали, следуя маршрутами их путешествий, пишут книги и сочинения по литературе, рисуют памятные места. Этот номер нам помогли оформить ребята Ленинградской художественной школы. Они сделали иллюстрации к своим любимым произведениям Пушкина.

ПУШКИН

В январе 1835 года в письме начальнику жандармов Бенкендорфу Пушкин просил о дозволении прочесть хранившееся в архиве дело о пугачевском восстании и сделать выписки «если не для печати» (поэт ожидал цензурных запретов), то «для успокоения исторической моей совести».

«Моя историческая совесть». Удивительные слова. Они говорят о том, что Пушкин видел в истории не просто науку, не только предмет изучения. Он чувствовал кровную связь с историей, ощущал, что токи исторической жизни проходят и через него. Мы часто употребляем фразу «каждый отвечает за себя». Пушкин обладал «исторической совестью», чувством ответственности, многократно усиленным: он отвечал не только за себя, но и за отца, и за мать, за деда и прадеда — за весь свой славный род и через него — за всю страну.

Честность и благородство понимались не только как личное достоинство, но и как родовой фамильный завет прошлого. «Я,— писал поэт,— чрезвычайно дорожу именем моих предков,— этим единственным наследством, доставшимся мне от них». Предки Пушкина играли существенную роль в судьбах России, ибо старинный дворянский род Пушкиных уходил в столетия. В эпоху Петра укоренился в России выходец из Африки, который положил начало роду, названному Петром — Ганнибалами. В XVIII веке Пушкины и Ганнибалы породнились. «Родословная моей матери,— отметил Пушкин,— еще любопытнее. Дед ее был негр *(на самом деле абиссинец — Н. С.)*, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганнибал».

Поэт наш с постоянным вниманием относился к обоим — пушкинскому и ганнибальскому — родовым истокам своей судьбы.

Уже старший сын арапа Петра Великого оправдает полученное от русского императора имя великого африканского полководца, станет выдающимся героем русско-турецкой войны и в 1770 году завоевателем турецкой крепости Наварин. Когда мальчик Пушкин станет лицеистом, то на Чесменской колонне, воздвигнутой в царскосельском парке, он увидит среди нанесенных на нее славных имен имя двоюродного деда.

Почти с самого начала все художественное творчество Пушкина сопровождается как занятиями историей, так и стремлением писать исторические сочинения.

Особое внимание Пушкина привлекал XVIII век. Тому было много причин. XVIII век оказался переломным, он был эпохой перехода от России старой, как часто говорят, древней, к России новой. Это было время, уже отошедшее в прошлое. Вместе с тем острые насущные вопросы исторической жизни страны перешли из XVIII века в XIX. Многое, уже ставшее прошлым, несло все приметы современности, более того, постоянно обновлялось.

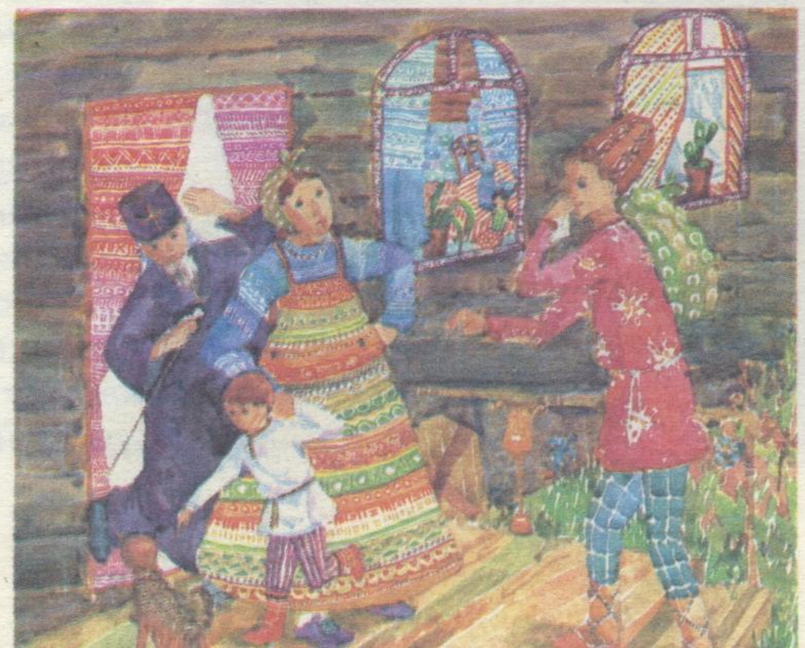
Особенно это касалось развития русского государства и исторического бытия народа. Именно в XVIII веке были люди, сконцентрировавшие в себе самую суть исторического становления России. Прежде всего это Петр Первый, Великий, как его называют обычно в нашей истории, царь, взявший на себя труд по переустройству страны

СКАЗКА О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ
Катя Макарова

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА
Валя Олейников

У ЛУКОМОРЬЯ
Наташа Маршенникова

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ
Катя Дмитриева

ИСТОРИК

в начале XVIII века. И, во-вторых, великая крестьянская война, возглавленная народным «царем» Емельяном Пугачевым. В 1834 году была опубликована пушкинская «История Пугачева». В декабре 1836 года в свет вышел последний прижизненный номер пушкинского журнала «Современник» с последним прижизненно изданным произведением «Капитанской дочкой». Конечно, это разные вещи. «История Пугачева» — это именно история, строго следующая за ходом исторических событий, а «Капитанская дочка» — роман. Но одно произведение не могло быть создано без другого.

Неизменное внимание Пушкина привлекал царь Петр, который многократно в самых разных произведениях становился их героем: «Стансы», «Полтава», «Медный всадник». Характерно, что первое художественное прозаическое произведение Пушкина, которому уже после его смерти редакторы дали название «Арап Петра Великого», было посвящено петровскому времени, а героем стал предок Пушкина Абрам Ганнибал. И последним трудом Пушкина стала «История Петра», так и оставшаяся незаконченной.

В то время некоторые современники выражали сомнение в историческом значении России. «Мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода. Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого». Это писал один из друзей поэта, выдающийся мыслитель П. Я. Чаадаев. Пушкин отвечал ему резко и прямо: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов?.. оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре,— как, неужели все это не история, а лишь бледный и позабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история?»

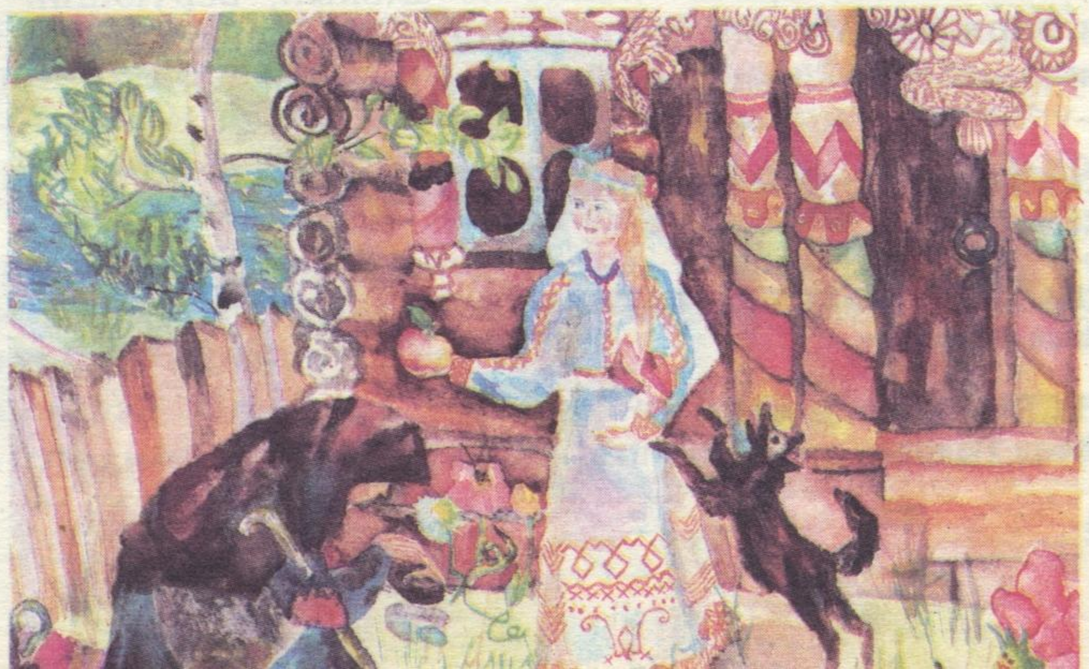
«Всемирная история» — то есть и Запад и Восток, и старое и новое.

Историческая судьба России осознается Пушкиным и сама по себе, и в рамках мирового и европейского опыта. В 1834 году Пушкин писал: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»

Опыт совсем недавнего прошлого и война с Наполеоном подтверждали для Пушкина историческую роль России, в собственных страданиях спасавшей чужие судьбы. Пушкин, может быть, более чем кто-либо ощущал могучий напор исторической жизни и действие ее законов. Но Пушкин решительно отводил тезис о предопределенности событий; иначе, писал он, «историк был бы астрологом, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные». Что же остается человеку? Пушкин недаром взял к своему историческому роману «Капитанская дочка» эпиграф «Береги честь смолоду». В переводе с языка пословицы это, собственно, значит: будь Человеком, будь им смолоду, будь всегда.

Н. СКАТОВ,
доктор филологических наук

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

***Оля Васильева** учится в школе № 50 города Николаева. «Костер» она выписывает с 5-го класса. Оля до сих пор постоянная читательница нашего журнала, хотя и вышла уже из пионерского возраста. Мы поздравляем Олю с первой публикацией в «Костре»!*

Я читаю Пушкина

В комнату со двора светит фонарь. Окно в обрамлении дикого винограда. Это наш старый дом, одноэтажный, бревенчатый, окруженный сиренью, тополями в два обхвата и кленами. Здесь в мое детство вошел Пушкин.

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна...

«Сказку о мертвой царевне» я знала наизусть. Она стала первым в моей жизни романом, по образу которого я начала сочинять волшебные истории. И первой пьесой, которую мы разучивали с подругами.

К Пушкину приходишь не однажды. Как жизнь открывается человеку постепенно, так и творчество поэта.

В двенадцать лет — первое знакомство с «Евгением Онегиным». Эпизоды, происходящие в романе, виделись мне отчетливо, а Онегин, Татьяна, Ленский — словно в дымке, под завесой непонимания.

Второй «Онегин» — в четырнадцать лет. Собственное сердце уже живет, «горит и любит», радуется, страдает. Залпом читаешь, не раз возвращаясь к особо поразившим строкам. «И, как огнем обожжена, остановилася она...» Как угадал поэт мои чувства: увидишь «его» — и сердце обрывается...

Взрослеешь — и приходят «Каменный гость», «Моцарт и Сальери», «Борис Годунов». Но уже не себя видишь в пушкинских строках, а его самого, человека-творца. Сочувствуешь его горестной судьбе, изумляешься силе духа, нравственной высоте поэта, сумевшего в мрачную николаевскую эпоху отстоять свою творческую свободу, сохранить человеческое достоинство.

О Пушкине можно говорить бесконечно. Как живого, любят люди Пушкина, плачут о нем, как об умершем друге.

Люди читают Пушкина и чувствуют его своим современником, потому что его поэзия сердечно правдива, мужественна и горда. Потому что он сам — человек исключительный, безжалостно казнящий себя, просветленно-печальный, верующий в торжество свободы и поэзии. Он принадлежит жизни, он бессмертен — наш Пушкин!

СКАЗКА О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ
Леша Иванов

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ
Лиза Полещук

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА
Женя Панова

„Душа, двойным огнем согрета..."

Андрей ЕФРЕМОВ

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.

Скошенное ржаное поле начиналось у самой кромки леса. Давыдов отъехал в сторону, пригляделся к растянувшимся вдоль опушки гусарам.

— Бекетов! — окликнул Давыдов негромко.— Карту, Бекетов!

Поручик Бекетов, разворачивая на ходу тугой, плотный лист, подъехал к Давыдову.

— А верно, Денис Васильевич, что карта у вас от самого князя Петра Иваныча Багратиона? А что инструкцию он для нас собственноручно писал, правда ли?

«Да, инструкция...» Давыдов вспомнил, как торопясь, разбрызгивая чернила, Багратион исписал лист своим крупным, совсем не штабным почерком. «...стараться забирать их фуражиров, расстраивать их обозы, ломать переправы и отнимать все способы...» «Видно, не зря князь Петр Иваныч ходил в любимцах у Суворова! Сразу понял, что штабных к этому делу подпускать нельзя. Сам пошел к Кутузову, сам исхлопотал у светлейшего гусар и казаков для Давыдова. Вот если бы еще партия была побольше...»

Вернулись посланные Бекетовым на разведку гусары.

— Ваше высокоблагородие, Денис Васильевич! — обломком веточки Бекетов коснулся карты.— Егорьевское впереди. Село большое, на горе. Караулы выставим, муха не пролетит... Для ночлега чего ж лучше?

Мужиков у околицы увидел, когда подъехали к деревне вплотную. Они вышли из-за покосившейся риги, молча заступили партии дорогу. Удивленный таким приемом, Бекетов обернулся к Давыдову. И тут сбоку раскатисто грянул выстрел. Краем глаза Денис успел заметить поднявшийся из-за куста черемухи ствол, и еще не опомнился остолбеневший от неожиданности Бекетов, а уж он оказался лицом к лицу с огромным бородачом-крестьянином. Мужик не бежал. Неловко расставив локти, держал перед собой французское ружье со штыком. И дымок еще поднимался. Сзади послышались крики, ржание. Давыдов сделал чуть заметное движение туловищем, в один скок конь оказался сбоку от мужика. Почти невидимая в стремительном движении сабля обрушилась на блестящий ствол — искореженное ружье полетело наземь. И тут же неведомо откуда в руках у мужика очутился топор. «Вот черт, борода упрямая!» — мелькнуло у Давыдова в голове. «Не рубить же его в самом деле». Он вздыбил коня, припал к лошадиной шее, заорал что было духу:

— Зарублю-у-у!

Солнечные блики разлетелись от бешено вращающегося клинка. Мужик остолбенело раскрыл рот, опустил топор. Давыдов рахохотался. За спиной крестьяне ругались с гусарами, выясняли, кто первый задрался.

Позже, когда партия уже расположилась на отдых, Давыдов узнал, что это егорьевские мужики поймали третьего дня на дороге гусара Пучкова, который вез на телеге партизанский скарб. Вещи они изрубили да изломали, а самого Пучкова крепко вздули.

— Уж ты не обессудь, батюшка,— говорили сконфуженные крестьяне,— а только больно вы на мародеров похожи. И на плечах блестит, и пуговки ясные. Долго ли до греха?

Спокойного ночлега не получилось. Теперь уже настоящие

мародеры — французы — подходили к деревне...

После короткой схватки, отправив пленных с сопровождающими к передовой линии русской армии, Давыдов роздал захваченное оружие крестьянам. Глядя на неторопливо разбирающих ружья мужиков, он подумал, что прав был Багратион, говоря, что, увидев партизан, русские люди воспрянут духом. Партизанская война начиналась...

Как и предполагал Давыдов, его стремительно, тщательно спланированные действия показали все выгоды партизанской войны. Совершая по ночам многоверстные переходы, они затаивались днем и, высмотрев у врага уязвимое место, наносили удар стремительно. Чаще всего потери партизан были малы или их не было вовсе.

Что и говорить, этот двадцативосьмилетний гусарский подполковник очень мало походил на того Дениса Давыдова, адъютанта Багратиона, который пять лет назад в Австрии с горсткой гусар и казаков бросался на передовые линии французов. Казалось, взмахни саблей — и враг бежит!

Гусары, братцы, удальцы,
Рубаки — черт мою взял душу!
Я с вами, братцы, молодцы,
Я с вами черта не потрушу!

В тот раз около австрийской деревни Вольфсдорф «удальцы» едва поспели Денису на выручку. Увлеченный схваткой, он и сам не заметил, как оказался один лицом к лицу с французскими кавалеристами. Все хорошо, что хорошо кончается, да и Владимир 4-й степени, полученный за этот бой, пришелся молодому офицеру как нельзя более кстати. Только все же полученный урок оказался важнее. Нет, он не выучился прятаться за чужие спины, но и под вражескими пулями, и в сабельной отчаянной рубке умение рискнуть, поставить на карту жизнь всегда с тех пор было только средством, одним из способов добиться победы.

А потом приходили стихи. Они были совсем не похожи на громкозвучные оды, к которым так привыкли любители победной поэзии, но, может быть, именно поэтому еще до выхода в свет их переписывала и заучивала военная молодежь. Да и не только военная. Пройдут годы, и, вспоминая свою юность, Пушкин назовет Давыдова отцом и командиром.

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном — кипа сена!
Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Впрочем, в собрании сочинений Давыдова не найти стихов, помеченных 1812 или 1813 годом. России потребовалась сабля Дениса, и слишком велика была опасность для отчизны, чтобы он, русский офицер, хоть малой частью души своей отошел от военных забот.

К октябрю 1812 года сильно увеличившаяся партия Давыдова, соединившись с отрядами Сеславина и Фигнера, наносит поражение корпусу генерала Ожеро у деревни Ляхово неподалеку от Ельни. Шестьдесят вражеских офицеров и один генерал были пленены, Кутузов в донесении царю писал: «Победа сия тем более знаменита, что в первый раз в продолжение нынешней кампании неприятельский корпус положил перед нами оружие».

Можно только догадываться, какую гордость ощущал Давыдов, принимая капитуляцию. Задуманное им приносило успехи, да какие! Проходит всего два дня после сражения у Ляхова, а с Давыдовым снова двести пленных! 31 октября он выходит на Мстиславскую дорогу южнее Смоленска и соединяется с главными силами русской армии. Однако, странной была эта встреча. Оскорбительные насмешки по поводу двухмесячной партизанской войны, намеки на тихое, безопасное существование во французском тылу... Что мог ответить штабным шутникам Денис? Да и стоило ли тратить на это силы? Лишь спустя пятнадцать

лет незабытая обида прорвалась в стихах.

Гонители, он — ваш!
вам плески и хвала!
Терзайте клеветой
его дела земные,
Но не сорвать венка вам
с славного чела,
Но не стереть с груди
вам раны боевые!

А пока что шла война. Давыдова назначают командовать передовым отрядом русских войск, и 9 декабря он занимает Гродно. Два дня он правит городом единолично, передает подошедшим войскам продовольственные склады и снова — вперед.

1 января 1813 года наша армия перешла границу. Находясь в авангарде передового корпуса Винценгероде, Давыдов проводит едва ли не самую значительную из своих операций. С небольшим отрядом гусар и казаков он занимает столицу Саксонии — Дрезден. С истинно партизанской изворотливостью он внушает противнику мысль о значительности русских сил, собравшихся у стен города. Ночью по приказу Давыдова казаки разводят множество бивачных костров, а днем Денис с гусарами сам хитроумно маневрирует на глазах у защитников Дрездена. В результате он не только входит в крепость без единого выстрела, но и заключает с французами краткосрочное перемирие. Сорокатысячная русская армия еще только подходит к Дрездену, а неугомонный, деятельный Давыдов приказывает городским властям начать сбор и подвоз продовольствия. Одним словом, удача несомненная! Но так же несомненно и то, что начальство Давыдова разгневано на него сверх всякой меры. Это как же нужно запартизаниться, чтобы не понять, что командир корпуса Винценгероде тоже хочет лично занять город, а командующему армией генералу Блюхеру просто необходимо въехать в Дрезден на белом коне. В общем, заключая перемирие с французами, Денис совсем забыл, что мир с собственным начальством куда важнее. Разъяренный Винценгероде отстраняет Дениса от командования и, ссылаясь на нарушение дисциплины, едва не доводит до суда. Целых полгода боевого офицера томят в штабных коридорах. Лишь летом 1813 года он получает под свое начало два донских полка и с боями доходит до Франции. За сражение при Ла-Ротьере полковника Дениса Васильевича Давыдова производят, наконец, в генерал-майоры.

То, что произошло дальше, трудно объяснить простой случайностью. В конце 1814 года в приказе по армии было объявлено, что он получил чин генерал-майора «по ошибке» и переименовывается снова в полковника. Можно только догадываться, кому из штабных героев захотелось лишний раз унизить Давыдова. «Ошибка» едва разъяснилась к декабрю 1815 года. Прослужив генералом мирного времени пять лет, Денис Васильевич выходит в отставку. Начинается работа над записками о партизанской войне, над стихами, мирная жизнь в подмосковном имении. Но стоит персам в 1826 году вторгнуться на Кавказ, и Давыдова тут же вспоминают. Правда, генералу Давыдову предоставляется решать самому, ехать на Кавказ или нет, но как мог он жить барином под Москвой, разъезжать по московским гостиным в генеральских своих эполетах, когда в пределах России снова был враг.

Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь,
лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песне запевало!

С Кавказа Давыдов возвращается в 1827 году. Двенадцать лет жизни остается ему, и многому еще суждено произойти. Все теснее сближается он с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, им первым отдает на строгий суд свои стихи. По праву занимает Денис место среди сотрудников пушкинского «Современника», а его литературная и воинская слава становится уже европейской. Сам Вальтер Скотт пишет ему, восхищаясь столь редкостным соединением талантов. Однако главное событие этих лет — издание книжки стихов Давыдова с биографией поэта. Все то, что составляло смысл жизни Давыдова, соединилось под этой обложкой, и словно подводя итог, он заканчивает свою биографию: «Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир, и Давыдов опять в стенах своих, опять гражданин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях... Вот Давыдов!»

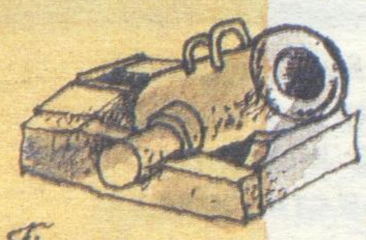
Рисунки В. Шаронова

Ужс небо

Пушечка (мортирка), найдена при расчистке усадьбы с. Михайловского в августе 1953г.

Из воспоминаний Льва Сергеевича Пушкина, брата поэта:

„В 1824г. Пушкин был принуждён оставить Одессу и поселиться в Псковской губернии, в деревне своей матери. Переемена ли образа жизни, естественный ли ход усовершенствования, но дело в том, что в сем уединении талант его видимо окрепнул и, если можно так выразиться освоеобразился. С этого времени все его сочинения получили печать зрелости. Он занимался много, особенно по своему обыкновению, в осеннее время. Здесь он написал „Цыганов", несколько глав „Онегина" множество мелких стихотворений и, наконец, „Бориса Годунова."

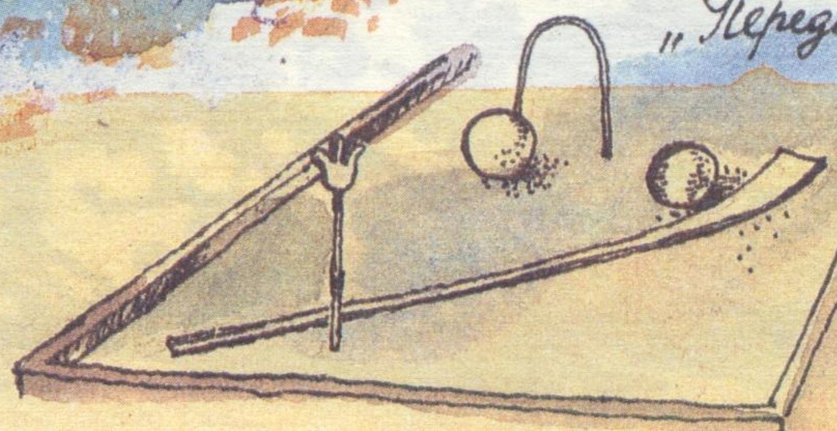
Аллея Керн.

Городище Воронич. Основан в XIV в. как один из форпостов Псковского пригорода. Через Воронич прошёл со своими войсками Димитрий Самозванец по пути в Москву.

Из письма Пушкина П.А. Вяземскому
13 июля 1825г.

„Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не написать её заглавия: Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Воронич. Каково?"

Из блокнота художника Ольги Филипенко

Осенью дышало...

Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.
Но и в дали, в краю чужом
Я буду мысленно всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду, под сенью лип домашней.
Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

(П. А. Осиповой)

В Тригорском тени друзья Пушкина Осиповы-Вульф. Ещё при их жизни туда приезжали как в музей.

Скамья Онегина - так называли это место. Дом, сад Ларины - всё Пушкин списал с Тригорского.

Прасковья Александровна Вульф хранила 28 писем Пушкина. Она писала ему: „Я перечитываю ваши письма с таким же удовольствием, с каким скряга пересчитывает горы злата."

Могила А. С. Пушкина

Герб Ганнибалов

В деревне, где Петра питомец,
Царей, царящ любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей

(К Языкову)

Беседка-грот в Петровском

Святогорский монастырь, создан по приказу Ивана Грозного.

Здесь похоронен А. С. Пушкин.

Монастырская келья в Святогорском монастыре. Немного воображения - и увидишь Пимена из „Бориса Годунова":

„Ещё одно, последнее сказанье,
И летопись окончена моя."

Где же бывал Пушкин?

Пушкин советовал в письме своему приятелю Соболевскому:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони
Да яичницу свари.

Многие ли школьники да и люди постарше знают, просыпаясь в поезде Ленинград—Москва и спрашивая: «Где стоим?» — «В Калинине!»,— что они проезжают ту самую Тверь? Разумеется, Тверь славна не только тем, что Пушкин отведал там «с пармазаном макарони», — Тверь сыграла громадную роль в истории Русского государства. Город известен с XII века, тверские князья спорили за первенство с московскими. И вот нет больше на карте нашей Родины Твери. Нет и Нижнего Новгорода, основанного в XIII веке, того самого Нижнего, в котором Козьма Минин собирал ополчение для освобождения Москвы в 1612 году,— есть город Горький...

Тот же Пушкин писал: «Адрес мой в Галерной» — где жил Пушкин? Некрасов: «Вчерашний день часу в шестом зашел я на Сенную» — куда пришел поэт?

Массовое переименование городов и улиц, происходившее в нашей стране в 20-е — 30-е годы, а в меньших масштабах продолжавшееся и позже, объясняется тем, что переименование казалось самым легким и быстрым способом «отречься от старого мира, отряхнуть его прах с наших ног». Изменять жизнь — дело долгое и трудное, название можно сменить в один час. Но прошло время, мы стали мудрее и понимаем теперь, что от прошлого отречься невозможно, стряхнуть с ног прах и забыть собственную историю — опасно. Народ, лишенный исторической памяти, перестает существовать как единый живой организм, превращается в жалкую толпу. Названия же рек, гор, городов — лучший и вернейший способ сохранить народную память. Не случайно Екатерина II, гневаясь после восстания Пугачева на яицких казаков, приказала переименовать реку Яик в Урал. И память о яицких казаках действительно исчезла, тогда как донских казаков или кубанских мы помним — потому что текут по-прежнему и Дон, и Кубань. Указ Екатерины — редчайший случай переименования реки. Обычно названия рек и гор живут до тех пор, пока жив народ, живущий по берегам рек и у подножий гор. Представьте себе, что ради скорейшего построения новой жизни переименовали бы Волгу — ну, скажем, в... Нет, и представить невозможно, как иначе можно называть нашу великую реку. А вот городам на ее берегах не повезло: нет у нас сейчас городов Твери, Симбирска, Самары, Ставрополя-на-Волге, Царицына. Каких исторических воспоминаний мы лишились! Ученые-историки — те закопались в документы и все знают даже после переименований. Но большинство людей узнают историю прежде всего по названиям. Приезжаете вы в Новгород, тот, что на Волхове, которому повезло больше, чем Нижнему,— и сразу невольно вспоминаете и новгородское вече, и походы Ивана Грозного, уничтожившие новгородскую вольность.

Очень многие переименования связаны с ошибочной мыслью, что города и улицы служат для увековечения памяти известных людей. Но это тоже не так. Наша история славна многими именами. И большинству из них не были «отданы» города: нет Кутузовска или Суворовска, никому не пришло в голову переименовать Бородино в Багратионово — но мы всегда будем помнить и Суворова, и Кутузова, и Багратиона. Царское Село было переименовано в город Пушкин после революции (оно еще называлось короткое время Детским Селом) — но смешно же думать, что мы чаще вспоминаем Пушкина оттого, что есть такой город. Наоборот! Название имеет свойство как бы отделяться от образа человека, имя которого использует. Когда мы говорим: «Вы сходите в Пушкине?», «Я живу в Пушкине», «Грязный стал Пушкин — плохо улицы убирают», мы совершенно забываем о великом поэте. И хорошо, что забываем, а то бы неудобно получалось: «Живу в Пушкине!»

Наши ретивые переименователи не понимают, что искать в названиях прямой смысл невозможно. Названия как бы становятся звуковым знаком — как и человеческие фамилии. Ведь практически не слышим мы того, что фамилия Пушкин образована от слова «пушка»; когда говорят «Пушкин», мы вспоминаем бессмертные стихи, мы думаем о судьбе поэта — и никаких военных ассоциаций у нас не возникает. Точно так же Новгород для нас не Новый Город, а наоборот — очень древний город. Самые старые города на территории России: Новгород да Старая Ладога, и нас ничуть не удивляет, что один «Новый», а другая «Старая» — оба древние одинаково. А что такое «Москва», «Тверь», «Вятка», что такое «Волга» или «Ока» мы вообще не знаем, происхождение этих слов толком неизвестно. «Москва — как много в этом звуке для сердца русского слилось!» — вот в чем дело: дорогое имя становится для нас единым звуком! Некоторые ученые считают, что слово «москва» когда-то означало «влажное место» — но это не имеет сейчас никакого значения, потому что вся история нашей страны соединилась с этим звуком — «Москва»! В самой Москве разрушено очень много старых домов, в ней нет,

за исключением Кремля, таких ансамблей, как в нашем городе, но историческая память жива именно благодаря тому, что живо имя.

Кстати, само слово «кремль» показывает, как история преобразует имена. Слово это — древнерусское, означающее «крепость». Но переехало в Кремль Советское правительство, и «Кремль» стал символом советской власти, и теперь можно услышать выражение «голос Кремля» — то есть мнение нашего правительства. Точно так же «Смольный» — символ Октябрьской революции: существовала когда-то смолокурня, от нее пошел Смольный монастырь, затем Смольный институт благородных девиц. Но штаб большевиков разместился в Смольном — и слово приобрело новый смысл. «Аврора» для нас не древнеримская богиня, а революционный крейсер, «Потемкин» не фаворит Екатерины, а восставший броненосец.

Но тогда неизбежен вопрос: как быть с Ленинградом? Лучше ли мы помним Ленина оттого, что город назван Ленинградом? Нет, разумеется. Мы ведь уже договорились, что народ помнит своих великих людей независимо от того, назван в их честь город или нет. В Индии нет города Ганди, но все индийцы чтят Ганди. А вот с чем название «Ленинград» действительно неразрывно связано — это с блокадой! С одним из самых героических событий в истории человечества. Когда мы говорим «Петербург», мы вспоминаем прежде всего Пушкина, золотой век русской литературы; «Петроград» — это Революция, это Ленин; «Ленинград» — блокада. Было бы лучше всего, если бы в 1914 и 1924 годах наш город не был дважды переименован, если бы вся его замечательная история связывалась с одним названием — как это счастливо осуществляется в Москве. Но переименования свершились, они сами — тоже уже история.

И тогда последний и чисто практический вопрос: стоит ли возвращать старые названия, и если да, то какие? Стоит! Стоит в тех случаях, когда старые названия обросли историческими и литературными воспоминаниями, а новые еще безлики, еще ни с чем не связаны в народной памяти. Никак нельзя нам отказываться от Нижнего Новгорода, потому что с городом Горьким крупных событий не связано. То же можно сказать о Вятке. То же можно сказать о Сенной площади, на которой произошел знаменитый холерный бунт, о котором писал Пушкин; по Сенной ходили герои Достоевского; с площадью же Мира никаких значительных воспоминаний не связано. Таких примеров много. Но как быть с триединым названием Петербург-Петроград-Ленинград? С каждым из этих имен связано очень много. Но последнее из великих событий в нашем городе — все-таки блокада. Блокада Ленинграда. Поэтому я за Ленинград.

В современном Калинине «с пармазаном макарони» не готовят. Но жизнь наша счастливо меняется. Мы снова начинаем замечать отдельного человека с его нуждами и заботами. Мы осознаем, что не народ для того, чтобы добывать больше всех в мире угля и выплавлять больше всех в мире стали, а сталь и уголь в конце концов должны облегчить жизнь народа, каждого человека. Мы опять прорубаем окно в Европу, перестаем дичиться иностранцев. И как знать, может быть, потомки Гальяни или Кольони снова откроют ресторацию в самом сердце России — в Твери и подадут нам итальянские макароны, посыпанные тертым сыром, который называется «пармазан». И мы вспомним за столом, что вот так же обедывал здесь Пушкин — и другим советовал.

Михаил ЧУЛАКИ

ИСТОРИЯ, НЕ ЗАДАННАЯ НА ДОМ

КОМУ НУЖНЫ СТАРЫЕ НАЗВАНИЯ

Осенью 1986 года в Ленинграде к сносу был назначен дом на Владимирской площади, где жил чудесный русский поэт Антон Антонович Дельвиг, лицейский друг Пушкина, где часто бывал сам Пушкин и многие замечательные люди того времени. Как раз в этом месте должна была проходить новая ветка метро, и дом помешал. И тут появилась молодежная группа «Спасение», которая стала за это здание бороться. Устраивать митинги возле дома Дельвига, расклеивать листовки. На заборе, которым он был обнесен, появились надписи, объясняющие, что за дом собираются уничтожить.

Победило ли тогда «Спасение»? Отчасти. Фасад дома был все-таки сохранен, а внутренность — разломана и, как говорится в серьезных документах, «подвергнута коренной реконструкции», которой и сейчас еще не видно конца.

Кто же был тогда у дома Дельвига? А чуть позже — у дома Достоевского, где великий писатель создал одно из своих первых произведений — «Бедные люди»? А еще позже, весной 1987 года, у гостиницы «Англетер», тоже предназначенной к «коренной реконструкции»?

Молодые, в основном, были люди. Среди них много школьников. С двумя из них я познакомилась — с Ирой Васильевой из средней художественной школы и Катей Прохоровой из 27-й.

— Когда мы узнали,— вспоминает Катя,— что «Англетер» должен быть снесен и перестроен и что, вдобавок, будет уничтожен дом на углу Майорова и Гоголя (а ведь там одно время Достоевский жил!), мы устроили в школе митинг и решили все пойти к «Англетеру». Все, конечно, не пошли, но довольно большая собралась компания. Мы дежурили на Исаакиевской площади несколько недель. Держали лозунги с протестами против сноса старинных домов, клеили на заборе большие плакаты: «Товарищи ленинградцы, этот дом предназначен на снос. В нем жил Федор Михайлович Достоевский». Многие люди подходили к плакатам и возмущались, какие сносят дома. А милиция наши плакаты срывала, говорила, что, мол, не положено. А мы на следующий день новые приносили...

Я, конечно, помню, как всех взволновали со-

В Ленинграде есть много мест, связанных с именем Пушкина: Мойка, Черная речка. Но главная петербургская речка — Фонтанка, где Пушкин прожил дольше, чем в других частях города, и где в его жизни произошли важные события.

Впервые Пушкин попал в Петербург совсем маленьким. Бабушка Марья Алексеевна, у которой был во владении дом в Петербурге, решила его продать. Семья Пушкиных на время покинула Москву.

Бабушкин дом находился на южном берегу Фонтанки, в слободе лейб-гвардии Измайловского полка. Здесь-то и произошла первая и последняя встреча Пушкина с императором Павлом I. Нянюшка, которая гуляла с малышом по заснеженным улицам, и думать не думала повстречаться с государем. А царь скакал со свитой по Измайловскому проспекту. При встрече с императором подданные мужского пола обязаны были обнажать головы и кланяться. Сашина няня, когда перед ней остановилась блестящая кавалькада, сообразила с поклоном бухнуться на колени, а про малыша забыла. Царь, сдерживая коня, закричал: «Шапку!» Нерасторопная нянька не сразу догадалась, что ей делать. Рассерженный же государь не уехал, пока с курчавой головы не был сдернут меховой картуз.

После этого «происшествия» родители Пушкина, опасаясь, не станет ли сумасбродный царь доискиваться, кто родители непочтительного ребенка, поспешили воротиться в Москву.

Вновь Пушкин приехал в Петербург через десять лет. Двенадцатилетнего Сашу привез его дядя Василий Львович, чтобы определить в какое-нибудь ученье. Куда? Скорее всего, в один из петербургских пансионов. Но тут прошел слух, что в новом, открывающемся осенью заведении с непонятным названием «Лицей» вместе с

бытия у «Англетера». Но как ни дорога мне красота родного города, я не принимала участия в этих волнениях. Казалось, что бороться бесполезно...

— Да, многие из нас тоже так думали, хотя вслух об этом не говорилось,— признается Ира.— Сначала это была как бы немного игра. Ну еще бы, ведь мы явились протестовать! Мы, приличные девочки и мальчики,— а против нас милиция, власти! Потрясающе!

О том, что дело, которое они затеяли, очень серьезно, ребята, может быть, и не думали. Они начали понимать это чуть позже.

Алексей Ковалев, председатель группы «Спасение», предложил ребятам:

— Хотите участвовать в переименовании улиц?

Это была новая акция «Спасения», поддержанная Ленинградскими отделениями Советского фонда культуры и Союза писателей.

Зачем возвращать улицам их старые названия? — спросит кто-нибудь. Зачем Красную вновь называть Галерной, Воинова — Шпалерной, а бульвар Профсоюзов — Конногвардейским? Может быть, это причуда, пустяк, мелочь?

Ребята и очень многие взрослые считают, что нет. В этих названиях сохранился дух города, его неповторимость, своеобразие.

Школьники разнесли по квартирам 2500 анкет. 83% людей были за переименование улиц. После Всесоюзной переписи населения исполком обещал рассмотреть эти данные.

Ира с Катей считают, что за последние месяцы в отношении городских властей к их группе произошли серьезные перемены. К лучшему. Перемена и в том, что раньше ребята ничего не знали ни о готовящихся к сносу домах, ни о других «сюрпризах».

Только бы хватило у них духа, стойкости, уверенности в своей правоте!..

«ДОМ ПРЕДНАЗНАЧЕН К СНОСУ...»

Так вот обстоят дела с защитой старой архитектуры в Ленинграде. А что, к примеру, делается в столице?

В комиссии по топонимике, организованной при Московском отделении Союза писателей, мне сообщили, что единственная группа, всерьез занимающаяся защитой памятников,— это «Слобода». Любительское объединение молодежи, выросшее из обычного школьного исторического кружка.

— Да, по сравнению с Питером в Москве мало

детьми простых дворян будут воспитываться младшие братья Александра I. Василию Львовичу понравилась мысль, что его племянник, может быть, будет сидеть за одной партой с великими князьями Николаем или Михаилом. Дядюшка пустился в хлопоты, просил поддержки у разных высоких персон и добился своего: племянник оказался в списке кандидатов на поступление в Лицей.

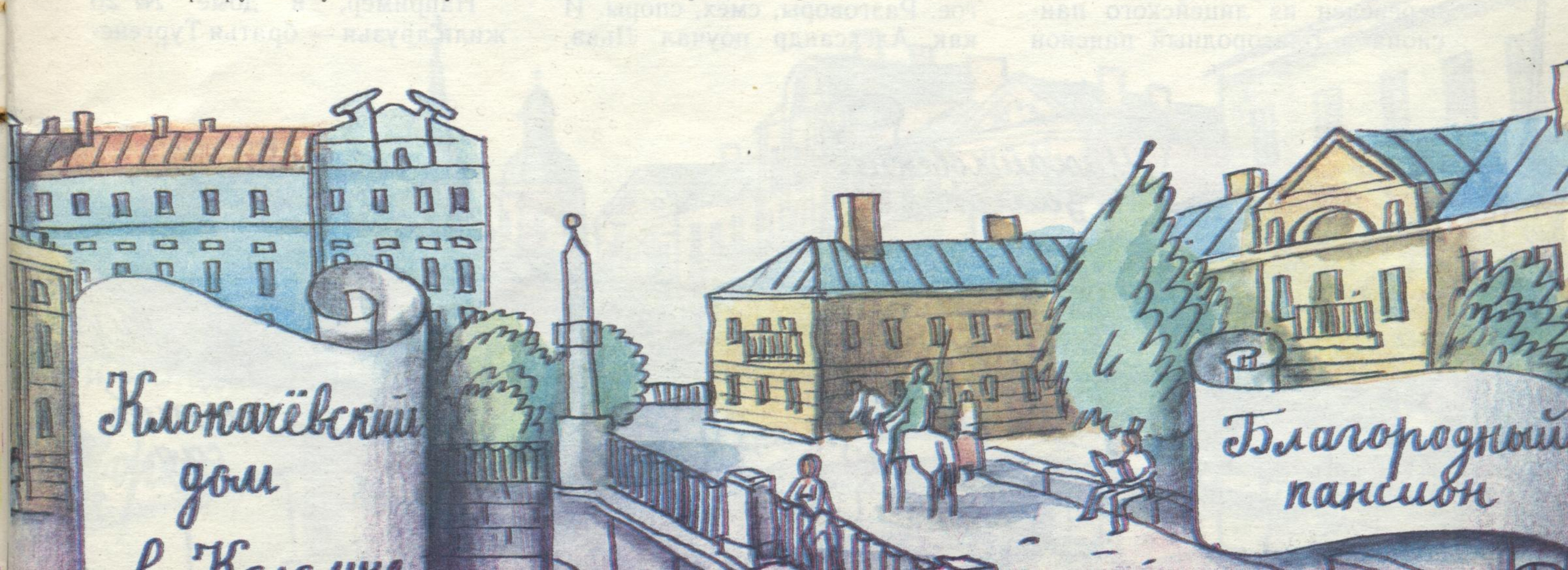
Приемные экзамены Александру пришлось держать на Фонтанке — там, где сейчас выходит к набережной Бородинская улица. А тогда здесь стоял дворец, принадлежавший министру народного просвещения графу Разумовскому.

12 августа 1811 года к подъезду дворца одна за другой подкатывали кареты. Приемный зал заполнялся юными кандидатами и их родственниками. Все терпеливо ожидали выхода министра.

Прождали бы долго, не будь среди приехавших старого адмирала Петра Ивановича Пущина. Он привез с собой сразу двух кандидатов — внуков Ивана и Петра. Узнал старик у чиновников, что Разумовский задерживается, поскольку облачается в парадный наряд. Тут восьмидесятилетний адмирал разгневался: застучал по полу палкой, закричал, что ему, Петру Пущину, кавалеру ордена Андрея Первозванного — высшего российского ордена — не пристало ждать никого, даже министра, что ему нужен не костюм министра, а сам министр! Гнев старика оказал действие. Разумовский поспешил выйти к ожидавшим.

Наблюдательный Саша Пушкин не только услыхал адмиральский крик, а и приметил адмиральских внуков. Один из них глянулся ему, они познакомились. Так началась дружба Александра Пушкина и Ивана Пущина, дружба, которую не прервут ни ссылка одного, ни каторга другого.

После шести лицейских лет самостоятельную жизнь поэт начинает, поселившись у роди-

людей, беспокоящихся о судьбе памятников. Очень мало,— так вот грустно начал свой рассказ руководитель «Слободы» художник Григорий Стриженов.— Сохранилось лицо Ленинграда, его неповторимая красота. А Москва,— тяжело об этом говорить — Москва разрушена. От чудесного древнего города мало что теперь осталось — после его так называемой «реконструкции», начатой в 30-е годы по сталинскому плану.

Улица Спартаковская, дома 3 и 5. В начале прошлого века эти дома входили во владение Аграфены Закревской, жены московского генерал-губернатора. В одном из них собирался литературный салон, здесь бывали декабристы. Необыкновенной женщиной была Аграфена Федоровна: ей посвятил многие стихи Баратынский, о ней написал Пушкин, потрясенный свободным умом, внутренней раскрепощенностью этой светской красавицы: «как беззаконная комета в кругу расчисленном светил...» Дома Закревской ныне под угрозой сноса.

Много таких адресов в столице. Есть, чем гордиться, что беречь, охранять.

Или сносить.

— Вы слышали про третье кольцо? — спросила у меня ученица 1203-й московской школы Аня Журавлева.— В Москве есть уже два кольца, по которым направлено основное движение машин,— Бульварное и Садовое. Так нет же, все по тому же злосчастному «Плану реконструкции Москвы» собрались не так давно строить еще и третье кольцо.

Но ведь, ничего не разрушая, новую дорогу в городе проложить нельзя. Было принято решение о сносе многих старинных зданий, и среди них — палат Щербакова. А это же памятник XVIII века! И сохранился неплохо — даже чердаки и место для подъемника целы. Его восстанавливать надо, а не разрушать!

Гораздо хуже складываются дела с защитой еще одного замечательного московского здания — единственной сохранившейся гражданской постройки допетровского времени, известной историкам под названием дома Анны Монс. Адрес его — Старокирочный переулок, 6.

Этот редкостный домик очень стар. В нем есть элементы XVI века. В XVII веке его перестраивали. А теперь вот собираются сносить, поскольку попал он, как муха в паутину, на территорию завода, к которому решено пристроить новые корпуса.

— Весной 1988 года мы поняли, что этому

телей на Фонтанке. Пушкины сняли квартиру в доме вице-адмирала Клокачева. Бывший адмиральский дом жив и поныне, только надстроен до пяти этажей. Эта часть города, именуемая Коломной, была в пушкинские времена городской окраиной. Отцу поэта Сергею Львовичу, как всегда стесненному в средствах, снять квартиру в центре Петербурга было не по карману. И все же, надо думать, не только денежные соображения повлияли на выбор именно этого жилища. Родителям хотелось быть поближе к семейному любимцу, младшему сыну Левушке.

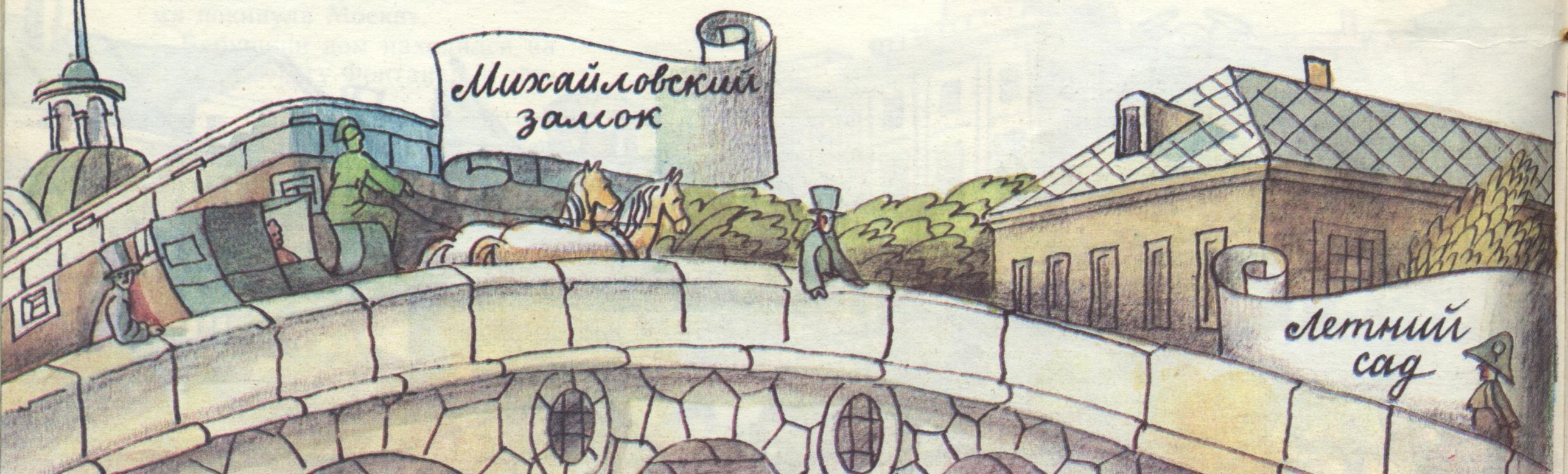
А Левушка в это время был переведен из лицейского пансиона в Благородный пансион при Главном педагогическом институте. От дома, где Пушкины сняли квартиру, всего пять минут ходьбы.

Александру Сергеевичу тоже было небезразлично расстояние до места учебы младшего брата. К тому же, кроме брата, в Благородном пансионе служил преподавателем русской словесности лицейский друг Пушкина Вильгельм Кюхельбекер. Думается, на Калинкином мосту через Фонтанку часто мелькала стремительная фигура Александра Пушкина, торопившегося в пансион. Здание Благородного пансиона сохранилось.

Если бы стены зданий могли говорить, у нас была бы возможность услышать очень многое. Разговоры, смех, споры. И как Александр поучал Льва, стараясь казаться строгим старшим братом. И как спорил с Кюхлей, и как подшучивал над ним. И как слушал первые музыкальные опыты Миши Глинки: будущий великий композитор учился и жил вместе со Львом Пушкиным. Как знать, может быть, в этих стенах у Глинки возник замысел оперы «Руслан и Людмила». Здесь Пушкин читал брату и друзьям свою первую поэму.

По утрам Александр Сергеевич спешил на службу в Коллегию иностранных дел, что располагалась на Английской набережной Невы. А потом поэта можно было вновь видеть на берегах Фонтанки. Во многих домах его ждали.

Например, в доме № 20 жили друзья — братья Тургене-

зданию угрожает реальная опасность,— рассказывает Юля Тарабарина.— Мы с ребятами отодвинули доски в заборе и стали фотографировать и зарисовывать. Тут, представляете, появляется милиция, и всю нашу честную компанию забирают в отделение. Пленки нам благополучно засветили. И только у Лазаря Шестакова сохранилась пленка, потому что он, как милиционеров увидел, вынул кассету из фотоаппарата и в ботинок сунул.

Сложно складываются отношения с милицией, приучившейся за столько лет хватать и правого, и виноватого. Но, кстати, кое в чем ребятам удалось убедить милиционеров. Когда шла борьба за палаты Щербакова, Кирилл Парфенов пришел в отделение и произнес, обратившись к милиционерам, целую речь. В защиту все тех же палат. И милиционеров Кирюшина речь проняла, и они пришли к палатам, осмотрели их, прослушали экскурсию, которую провели для них ребята. И больше уже не вмешивались.

Даже милицию, хоть на время, удалось убедить. А вот районное отделение Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры не поддается ни в какую. Ответственный секретарь отделения тов. Литвинова так прямо и говорит членам группы:

— Кому нужны эти ваши старые клоповники! Их надо сносить и строить новые дома.

Но как и члены группы «Спасение», московские ребята настроены оптимистично. Меня удивило, как много знают эти ребята о Москве.

Меня восхитил музей, собранные в котором экспонаты было бы так хорошо показать всем,— да вот беда, пока негде. Экспонаты эти — детали старого московского быта, которые ребята отыскивают в идущих на слом домах и даже на свалках. Кусочки старых изразцов, кирпичи с клеймами дореволюционных фабрик, осколки старинной посуды, детали мебели, лепные украшения — все это имеет большую историческую ценность.

Кому-то может показаться (и кажется!), что это хлам, глупости какие-то. Многие, слишком многие не понимают, как важно спасти и сохранить все свидетельства жизни ушедших поколений, как важно знать, что за люди жили до нас в наших городах, на нашей земле.

А ведь без этого нельзя считать себя гражданином, нельзя по-настоящему понять ничего и про наш сегодняшний, очень непростой день. И уж тем более про день завтрашний.

С. ИВАНОВА

вы. Глядя из окон их квартиры на Михайловский замок, где был убит заговорщиками Павел I, Пушкин написал первые строфы знаменитой оды «Вольность». Придя домой, закончил оду, переписал набело и на другой день подарил ее Николаю Ивановичу Тургеневу, который бережно хранил ее долгие годы.

На другом берегу Фонтанки Пушкин часто посещал гостеприимный дом Муравьевой. Мать двух сыновей-декабристов, Екатерина Федоровна сама была образованной женщиной. С кем только не встречался Пушкин в этом доме: с историком Карамзиным, живописцем Кипренским, литераторами Гнедичем, Жуковским, Батюшковым. Виделся, конечно, с будущими декабристами Трубецким, Пестелем, Рылеевым и, естественно, с братьями Муравьевыми.

На фонтанных берегах есть еще два дворца, связанных с именем Пушкина. Об одном из них мы вспоминаем с благодарностью, о другом — память недобрая.

Первый — Шереметевский дворец, его еще называют Фонтанный дом. Здесь живописец Орест Кипренский создал один из лучших пушкинских портретов, о котором сам поэт сказал очень скромно: «Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит».

А вот другой, Аничков — нынешний Дворец пионеров — много досадил поэту. Любопытно, что в одном году Пушкин стал обитателем «угла тесного и простого» на Фонтанке, а великий князь, будущий император Николай I, стал владельцем дворца.

Б. ХОТИМСКИЙ
Рисунки В. Шаронова

Весёлый звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Ребята, многие из вас, конечно, помнят знаменитые строки Александра Сергеевича Пушкина из романа в стихах «Евгений Онегин»:

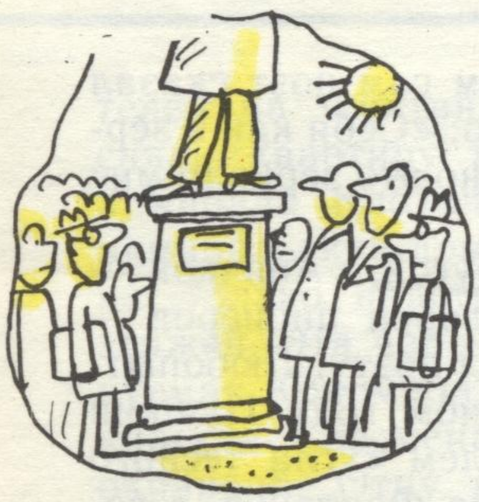
Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...

Эти слова можно вполне отнести и к некоторым современным школьникам, которые учатся «понемногу» и «как-нибудь».

Как известно, Александр Пушкин был очень остроумным человеком, и мы можем представить себе, как бы он посмеялся над некоторыми школьными сочинениями, посвященными его творчеству.

Учитель смеха

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Около памятника Пушкину собралось много людей и писателей.

Троекуров обладал большим богатством, дочерью Машей и строптивым характером.

Швабрин хотел выйти замуж за капитанскую дочку, но был этого недостоин.

Татьяна так полюбила Онегина, что даже побледнела.

Когда Дубровский убил медведя, Кирилл Петрович не рассердился, а велел содрать с него шкуру.

Дубровский был бедный дровянин.

Князю Олегу предсказали, что он умрет от змеи, которая вылезет из его черепа.

Савельич просил прощения за Гринева на коленях у Пугачева.

Пугачев пожаловал Гриневу шубу и лошадь со своего плеча.

Прислали: **Таня Блинова** *(пос. Лотошино Московской обл.)*, **Лена Шамшура** *(Москва)*, **Алина Островская** *(Вильнюс)*, **Марзия Муталлапова** *(Архангельский р-н)*, **Лена Муракова** *(Тула)*, *ученик из с. Бражное Красноярского края*, **Ира Осипова** *(Няндома Архангельской обл.)*, **Наташа Белкова** *(Москва)*, **Максим Уклейкин** *(Луховицы Московской обл.)*

ОДИН ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Желающих поехать было так много, что пришлось устроить конкурс на лучшие работы о великом поэте. И Маша Блинкина как в воду глядела, когда писала свое сочинение:

«...Из Петербурга в Москву и обратно много раз мчала кибитка Пушкина по рытвинам и ухабам старого Петербургского тракта. Мелькали за окном кибитки верстовые столбы с названием мест: Тверь — Торжок — Малинники — Курово-Покровское—Павловское — Берново... Берновского помещика Александр Сергеевич не любил и никогда у него не задерживался. Переночует и сразу отправляется в Павловское, к Павлу Ивановичу Вульфу, или в Малинники. А старый берновский парк любил. В то время сад славился своей красотой...»

Именно в Берново мы и приехали. Только никаких красот не увидели. Когда автобус подъехал к селу, было уже темно.

Разместились в сельской гостинице и поначалу никак не могли угомониться. А когда уснули — уже и вставать пора, не хочется, а надо.

После завтрака — визит к Анне Семеновне Соловьевой — директору дома-музея Пушкина. Короткое совещание на тему «Где работать юным поэтам Московского дворца пионеров». И вот — с вилами, пилами и косами отправляемся в Павловское.

Прошли полдороги, и тут я вспомнила:

— Юля! А где топор?

— Ой, забыла, он у меня под подушкой лежит.

— Нашла место!

— Сами сказали, топор один, как зеницу ока беречь.

Павловское — неподалеку от Берново. Перейти речку и подняться на холм.

Поднялись и остановились в растерянности. Где же он, парк, о котором говорила Анна Семеновна?

Старых деревьев почти не осталось — одна молодая поросль. Дорожки и тропинки давно заросли травой. А на месте дома Вульфа — крапива по пояс.

Пока я стояла и размышляла: «Как быть?», ребята успели осмотреть все, что когда-то называлось парком. Нашли старую дорогу и поняли, что две нестройные цепочки лип — бывшая въездная аллея. Отсюда и надо начинать расчистку. Вырубить колючий кустарник, выкосить бурьян и крапиву, расчистить фундамент дома и круглую поляну, где, судя по всему, когда-то красовалась большая клумба.

— Начинай,— слышится строгий голос командира.

Ребята замахали косами, но трава лишь на мгновение склонялась и, целая и невредимая, выпрямлялась вновь.

Юля Швец старается наколоть на вилы ворох крапивы и отнести к оврагу, но она не накалывается.

Да и у меня работа не ладится. Пила визжит, изгибается и не хочет пилить толстые ветки акации.

Голый энтузиазм и никакой сноровки.

И тут из-за кустов — смех. Оказывается, за нами наблюдают местные мальчишки и девчонки. Наблюдают и смеются.

— Братцы,— кричу им,— вы бы лучше помогли.

— Не-е,— отвечают,— мы так не умеем.— И опять смеются.

Наконец я начала лучше справляться с пилой. Поняла, как ее надо держать и нажимать. Да и остальные работники постепенно приспособились к своим орудиям труда.

Спрашиваю:

— Может, пойдем покупаемся?

— Не пойду, пока этот куст не вырублю.

— А мне два стога травы надо перенести.

— А мне еще угол докосить...

Медленно и неохотно расчищалась поляна перед бывшим домом Вульфа. Поредел кустарник. Пала всемогущая крапива. Стала ясней планировка парка, четко определились дорожки и аллеи, по которым когда-то гулял Пушкин.

На обед мы безнадежно опоздали. Усталые и злые, под палящим солнцем бредем по пыльной дороге. Никто ни на что не жалуется. Молчат. «Ничего, сейчас я вас растормошу».

— Братцы, а вы знаете, где Александр Сергеевич написал свое знаменитое стихотворение «Мороз и солнце, день чудесный»?

— Где, Наталья Владимировна?

— Здесь, в этом парке, где вы только что работали.

— Неужели...

— А я и не знал.

— Вот это — да...

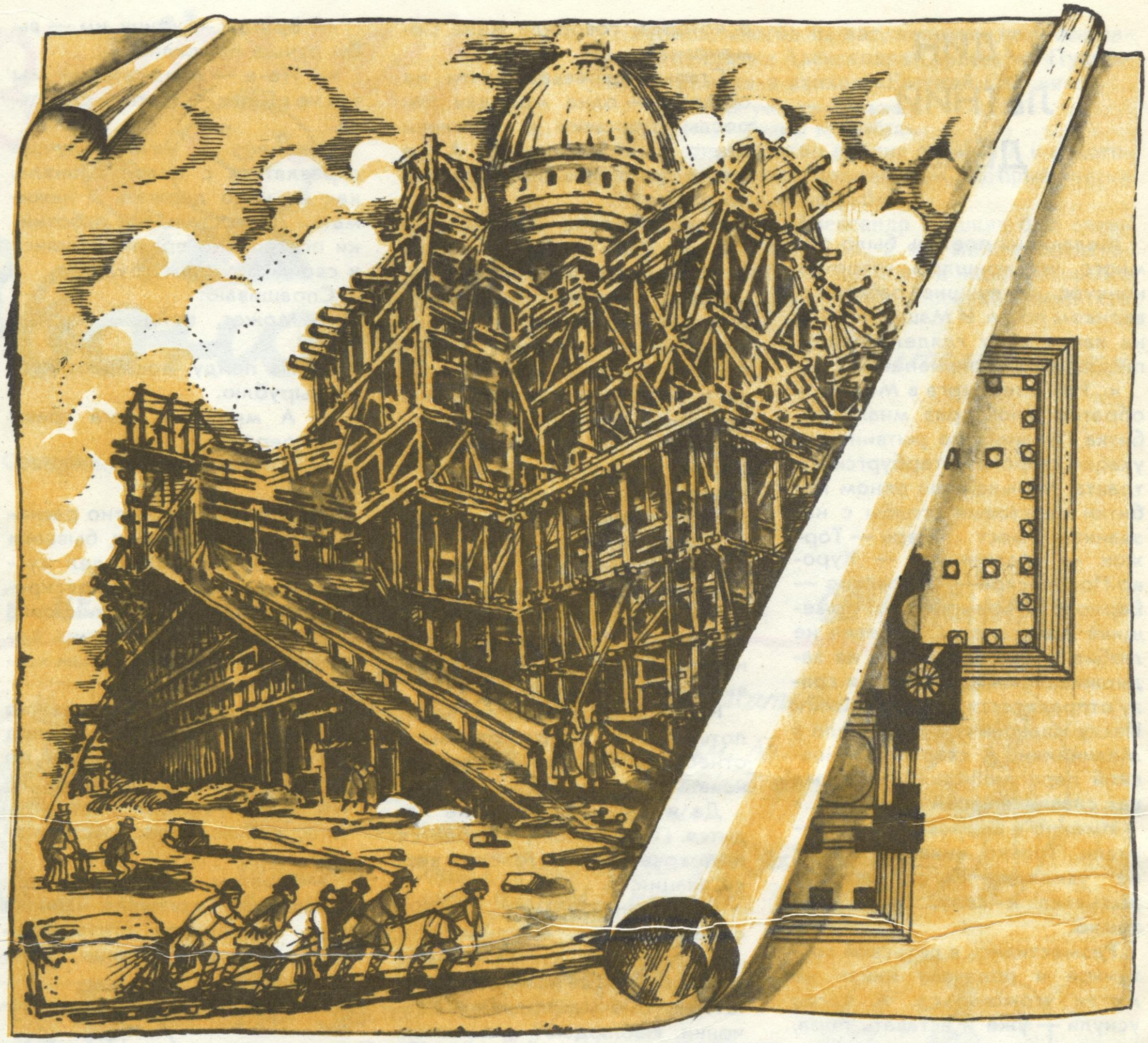
— А что еще он здесь написал?

— Еще? Ну, например: «Зима. Что делать нам в деревне?»

Повеселели. Распрямились. И уже не забудут этот просторный парк и эту поездку в Берново.

А впереди — еще целых пятнадцать дней напряженной работы в Павловском, Малинниках, Курово-Покровском. И ребята потом искренне удивятся. Только на один вопрос я не смогу и не хочу отвечать: «Почему в этих заповедных местах такое запустение?»

Н. ДАВЫДОВА

СОБОР

РАССКАЗ

Ирина ИЗМАЙЛОВА

Рисунки А. Старостина

В начале апреля тысяча восемьсот сорокового года на строительство прибыло новое пополнение рабочих. Из Ярославля приехали несколько резчиков по мрамору. Один из них сразу обратил на себя внимание Главного архитектора. Не заметить его было невозможно. Он был громадного роста и отменно широк в плечах, а в талии худ, даже суховат, у него были длинные могучие руки, крепкая шея, большая голова, объятая настоящим облаком пепельно-светлых волос. На вид ему было слегка за сорок.

Огюст спросил об этом человеке у подрядчика, и тот ответил, что это мастер Павел Лажечников, у него чудо-руки, как резчик он равных себе не знает, однако характер у него «что у пса цепного».

«Видно»,— подумал Монферран.

По его распоряжению еще раньше для резчиков по мрамору был построен специальный барак, теплый и удобный, где вместо обычных нар были поставлены железные кровати с матрасами. С людьми редких и ценных профессий Главный архитектор заставлял считаться даже скупых чиновников Комиссии построения собора.

Эти весенние дни были сумбурны, переполнены работой, как, впрочем, и дни прошедшей зимы, только что стало светлее, день вытянулся и казался бесконечным, и следующий наступал так быстро,

так сразу, что перехода от одного дня к другому можно было и не заметить...

В один из таких дней, в первых числах мая Монферрана позвали взглянуть на образцы только что привезенного для проб белого карарского мрамора. Для большей сохранности ящик с образцами затащили внутрь собора, и Огюст едва не споткнулся об него, войдя в полусумрак зала со строительной площадки, где царил ослепительный майский день.

В пустой проем западной двери обильно лилось солнце, ящик стоял в середине солнечного потока, и белые глыбы сияли от этого чистым теплым серебром. Архитектор наклонился, с трудом пошевелил один из кусков и осторожно провел пальцем по его излому. Мрамор, на вид теплый, будто живой, излучал холод, коснувшийся руки даже сквозь перчатку.

— Хороший камень привезли! — проговорил Монферран, поворачивая образец и разглядывая его с другой стороны.— Весь бы такой добыть...

В это мгновение сверху донесся пронзительный вопль, и кто-то вдруг закричал и запричитал наверху так дико, что Главному архитектору стало не по себе. Кричали сразу несколько мужских голосов. Что заставило их так кричать? Очередной несчастный случай, очередная смерть? Но к смерти, сколько можно и если можно, здесь привыкли...

Вопли не прекращались, и Главный, задрав голову, что есть силы крикнул:

— Эй, что у вас там такое?

Сверху не ответили. Тогда Монферран бросился через зал к северному ризалиту[1] и по винтовой лестнице бегом поднялся наверх.

Когда, задыхаясь, он вступил на крышу, ему открылось обычное в таких случаях зрелище. Кучка рабочих сгрудилась возле кого-то, лежавшего плашмя у основания барабана.

«С лесов упал!» — мелькнула у Главного болезненная мысль.

Однако рабочие уж слишком громко ахали и причитали. Кто-то даже, не стесняясь, плакал. Это было уже из ряда вон.

Огюст подошел ближе, отстранил кого-то из рабочих, протиснулся к центру их кружка, готовясь увидеть страшное, обычным тоном отдать обычные распоряжения и, отвернувшись, уйти.

Однако, увидев то, что сначала скрывали от него потные спины людей, Главный архитектор вдруг вскрикнул и отшатнулся.

На медных листах крыши, разбросав тонкие руки, лежал... мальчик лет одиннадцати-двенадцати...

— Что это значит?! — Монферран внезапно охрип.— Что... Кто это?!

Один из рабочих обернулся. Его лицо было в слезах.

— Егорка это. Демин. Кондрата Демина сынок. Он, Кондратка-то, бобыль был, никого семейства, так он, как на работу сюда приехал, и Егорку с собой взял: девать-то некуда. На одних нарах, сердешные, спали в бараке... А потом Кондрата на прошлом месяцу брусом убило, ну и остался Егор один. Кормили мы его помаленьку. А тут полез на леса, чертенок, да и упал... И вот мертвенький лежит.

— Как же вы пустили его туда, мерзавцы?! — закричал Главный.

— Сам ты мерзавец! — раздался вдруг резкий возглас.

Огюст вздрогнул. Рабочий в синей рубахе, стоявший на коленях возле мертвого мальчика, вскинул голову, и Главный увидел лицо резчика Павла Лажечникова. Его бледно-голубые глаза излучали такую дикую ярость, что Монферрану захотелось отступить, и он едва удержался.

— Что уставился, скотина иноземная?! — взревел Лажечников,— ишь ты, морду себе наел, душегубец! Сколько уж людей-то перегробил тут? Вот и дитя невинное загубил!

— Замолчи, Пашка! С ума свихнулся?! — закричали с разных сторон рабочие.

— Замолчите вы сами, холопы! — Павел вскочил на ноги и встал с Главным архитектором лицом к лицу.— Знает он, небось, как вы тут живете, как гниете по баракам, как хребты себе ломаете, как, словно мухи, дохнете! Ему ордена вешают, а вам могилы роют! Что уставился на меня, шваль французская? Али не понимаешь, чего говорю?

— Понимаю,— твердо сказал Монферран.

— Дурак ты, Пашка! Он-то при чем? — подал голос один из рабочих.— На других местах люди и поболее нашего гробятся.

— На другом месте нас нет! — заорал Павел.— Я вижу, что тут делается! Плевать им всем на вас, а ему — в первую голову! Что молчишь, француз? Я вру?

Монферран перевел дыхание.

— Врешь. Но в этом,— он глазами указал на мальчика,— в этом виноват я. Я должен был знать...

Движением плеча он скинул с себя плащ, подошел к Егорке, тихо прикрыл его маленькое тельце, закрыл растрепанные светлые кудри. Затем вытащил из кармана бумажник, из него извлек несколько кредиток и вложил их в руку того рабочего, который рассказал ему о Егорке.

— Похороните,— тихо сказал он и, повернувшись, пошел к лестнице.

Никуда не заходя, он вернулся домой.

Алексей встретил его на лестнице и сразу догадался, что приключилась беда. Без единого слова он последовал за Монферраном до двери его кабинета, но на пороге Огюст обернулся и, сверкнув глазами, резко сказал:

— Не ходи за мной! Оставь меня сейчас!

Алексей покорно отступил, но в это время в конце коридора появилась Элиза и крикнула:

— Анри, постой, не запирайся![2]

---

[1] Ризалит — выступ на стене здания. У Исаакиевского собора четыре ризалита несут четыре небольшие колокольни, внутри северо-западного и юго-восточного ризалитов проходят винтовые лестницы, ведущие на крышу здания.

[2] Полное имя Монферрана — Анри Луи Огюст Леже Рикар де Монферран. Во всех документах именовался и подписывался он «Огюст де Монферран», но жена Элиза называла его Анри.

Верный слуга облегченно вздохнул и тут же исчез.

Оказавшись вдвоем с Элизой, Монферран несколько раз прошелся по кабинету, потом остановился и, помолчав, сказал:

— Лиз, я хочу подать в отставку.

Она посмотрела на него с изумлением, но с тревогой:

— Это всерьез? Что случилось?

— Ничего! — крикнул он.— Ничего! Песчинка упала, букашка умерла! Это ничего не значит! Горы рушатся, народы гибнут... Господь знает: каждому свое... Еще десять лет назад, когда была холера, я подумал: кто я, чтобы распоряжаться жизнью стольких людей? И вот теперь... Ах, если бы ты видела! Что я говорю? Слава богу, что ты не видела. Ребенок погиб, Лиз, понимаешь, ребенок!

— Какой ребенок? Как он попал туда? Расскажи!

Он рассказал ей все, что случилось, упомянул о злобных словах Павла Лажечникова.

Элиза покачала головой.

— Бедные, бедные люди... Жестокие от горя.

— Это они-то жестокие? — Огюст рассмеялся.— Они невыносимо покорны всему... Бунт этого богатыря в сущности жалок... Но он прав! Прав! Двадцать с лишним лет я стараюсь не замечать. Гнилых бараков, трехэтажных нар, единственной койки в больнице на две с половиной тысячи человек рабочих, из которых заболевает и калечится каждый шестой... А смерть шестидесяти позолотчиков?! Они отравились парами ртути и умирали в муках... Ты понимаешь, Лиз, шестьдесят человек умерли почти на глазах моих, а я дал им умереть!!!

— А что мог поделать ты? — спросила Элиза, стараясь заглянуть в его лицо.— Ведь иначе нельзя строить.

— Да! Иначе нельзя. Так же строились египетские пирамиды! Нет, я не хочу, я не могу больше... Двадцать лет... Двадцать два... Мне не выдержать. И ведь писал же рапорт за рапортом, требовал одного, другого... Сто раз говорил этим чиновным рожам, что люди мучаются, что нельзя так их мучить, что люди ведь... Да какое им дело?! Чем выше, тем дальше от этого, а для тех, кто совсем высоко, мои мужики и вовсе ничего не значат! Мужиков много! Эти перемрут, новых согнать можно... Боже мой, боже мой! А они молчат... Послушай, Лиз, я прошу тебя, уйди, я прошу тебя... Дай мне успокоиться...

Затворив за Элизой дверь, Монферран кинулся к столу, схватил перо.

— Напишу прошение... Не может быть, чтобы мне отказали. Я начал, я хорошо начал. Пускай другие закончат.

«Другие не закончат!» — проговорил из глубины его сознания знакомый голос, голос, который он слышал каждый раз в минуту слабости.

— Это ты, проклятый! — прошептал Огюст, неизвестно к кому обращаясь, ибо понимал, что в сущности разговаривает с самим собою.— Ну, послушай, оставь меня, освободи... Я же человек! Смертный, слабый человек! Работа, которую я затеял, под силу титанам... И я взялся за нее сам и заставил других, таких же смертных, работать, точно они титаны! Ну хорошо, я — это я. А они? Один уже в лицо назвал меня душегубом!

«И ты испугался? — голос был жесток и насмешлив.— Но без тебя собора не выстроит никто. И все, что совершилось, будет совершено зря. Строить должен ты!»

Прошло несколько минут. В дверь кабинета поскребся Алексей.

— Август Августович!

Архитектор повернул ключ в замке.

— Какого лешего тебе надо? Я сказал: никому не трогать меня.

— К вам рабочие пришли,— виноватым голосом объяснил Алеша.— С ними один такой высоченный, кудрявый.

— Лажечников? — напрягаясь, спросил Монферран.

— Откуда я знаю, как его зовут? Он из новых, я еще их не всех помню по фамилиям. Ну, резчик по мрамору.

— Хорошо! — воскликнул Огюст, выскакивая в

коридор.— Я к ним выйду! Но пусть он мне скажет еще слово грубое, я его убью!

Алексей не успел ничего сказать. Хозяин уже сбежал по лестнице и вышел во дворик. Там топтались, неловко озираясь, четверо рабочих. Громадная фигура Лажечникова выделялась среди них.

— Что вам от меня нужно? — спросил Главный архитектор.

К его удивлению, Павел неожиданно довольно низко поклонился и проговорил с каким-то странным смущением:

— Мы вот с просьбой... Да я сначала хочу вам сказать, ваша милость. Вы слов моих к сердцу не берите, что я налаял там. У меня язык-от такой.

— Твой язык, Пашка, дерьмом мазать надо! — хихикнул за спиною великана кто-то из рабочих.

— А ты, Сивый, помолчи! — отрезал Лажечников.— Я ж, ваша милость, вас не знаю, только-только тут. Ребята мне разобъяснили, что к чему... Вы только не подумайте, что я злобы вашей боюсь. Мне жаль, что зазря человека обидел.

— Очень рад,— с невольной язвительностью сказал Огюст.— И ради этого вы ушли с работы и явились ко мне? Что еще?

На резких губах Павла проскользнула теплая улыбка. Он сказал:

— Мы вот чего... Мальчонка-то наш, Егорушка, ведь оклемался!

— Что сделал? — поднял брови Огюст.

— Прочухался,— перевел другой рабочий.

— Жив?! — крикнул Монферран, невольно подаваясь вперед и хватая Лажечникова за руку.

— Жив, господин Главный архитектор,— подтвердил тот.— Он о крышу-то стукнулся, убился сильно, аж не дышал. А тут вдруг под плащом вашим и зашевелился, застонал, верно, согрелся... Глазоньки открыл, да давай мамку звать. А его мамки уже пять годов на свете нету!

— Лекаря звали? — спросил архитектор.

— А то как же? Дали ж вы аж двадцать рублей. Лекарь сказал, ничего, не должон помереть малец, только полечить надобно... Ну вот мы и пришли: может, вы попросите, чтоб его в больницу определили? Койка-то наша занята одна-единственная...

Монферран замахал на рабочих руками.

— В больницу? Ребенка? Вы в уме? Его там уморят хуже, чем в бараке! Сюда его несите!

Рабочие опешили.

— Сюды? К вам?

— Говорю вам, несите мальчика сюда, у нас есть где его устроить, пока не поправится. А я за лекарем пошлю. Аня! Алексей! Живо!

Спустя двадцать минут двое из четверых возвратились. С Лажечниковым пришел тот самый парень, которому Огюст давал деньги. На руках у Павла, завернутый в шерстяной плащ, как в люльке, лежал бесчувственный Егорка.

— Несите наверх! — распорядился Монферран, первым взбегая по лестнице,— там софа удобная есть. Аня, постель туда и побыстрее!

Через пять минут в гостиной, украшенной изысканной коллекцией шпалер, на софе, обтянутой серебристым шелком, были постелены тонкие простыни, разложены подушки с душистыми кружевами. И на эту белоснежную роскошь уложили по приказу хозяина дома его неожиданного гостя, сына каменотеса Кондрата Демина двенадцатилетнего Егорку.

Павел и его спутник, поклонившись, ушли. Алексей еще раньше был отправлен за доктором, а Анна в аптеку за льдом. Огюст и Элиза остались возле Егорушки вдвоем.

У мальчика было круглое лицо с высоким выпуклым лбом, над которым клубились мягкие светлые кудри. Глаза были плотно закрыты, обведены тонкими голубыми тенями, щеки смертельно бледны.

— Анри, а вдруг он умрет? — спросила Элиза, стиснув холодную руку мужа.— Неужели умрет?..

— Нет,— сказал Огюст очень твердо, но затем, поцеловав жену, отвернулся, нахмурившись.

Вскоре вернулся Алексей, которому повезло застать дома доктора Деламье. Приехали они вместе.

— Что это за мальчик, который упал с крыши вашего собора и остался жив? — деловито осведомился Деламье, вытирая вымытые руки.

— С лесов на крышу,— уточнил Алексей.

— Все равно высоко...— махнул рукой доктор.

Осмотрев Егорушку, он ничего опасного у него не нашел. Жар, по его мнению, был следствием сильного удара и еще истощения, которое было у мальчика очень заметно. Выписав кое-какие лекарства, Деламье посоветовал все время дежурить возле больного и удалился.

Ночью у мальчика еще держалась лихорадка, он метался, то открывая темные, с расширенными зрачками глаза, испуганные и бессмысленные, то впадая в забытье. Но к утру выписанные Деламье снадобья оказали свое действие, и Егор заснул, крепко, без сновидений.

Этим глубоким невозмутимым сном он проспал весь следующий день, проснулся только к вечеру, проглотил несколько ложек сваренного Анной бульона и тут же вновь закрыл глаза, не заметив и не поняв, где он находится, кажется, даже позабыв, что с ним приключилось. Лекарство, исцелившее его от лихорадки, все еще дурманило его сознание, погружало в сон, оберегая ослабевшего ребенка от внезапного потрясения.

Ночь прошла спокойно, а утром третьего дня Егорка проснулся уже совсем здоровым.

Он привстал, сел на постели и с изумлением огляделся. Ему подумалось, что эту красивую комнату он просто видит во сне, и мальчик решил, что надо бы подольше не просыпаться.

Некоторое время он вертелся на кровати, разглядывая шпалеры и вазы. Потом ему захотелось их потрогать. Он спустил босые ноги на пушистый ковер и встал, одернув длинную, до самых пяток, рубаху.

Несколько минут он бродил по гобеленовой гостиной, завороженно разглядывая шпалеры и осторожно, кончиком мизинца, прикасаясь к ним. Постепенно он стал верить, что не спит, тем более что ему захотелось есть. От голода Егор обычно всегда просыпался.

Дойдя до двери, мальчик робко взялся за бронзовую ручку и повернул ее. Дверь открылась.

В коридоре тоже не было никого. Егорушка, озираясь, дошел до конца коридора, повернул и оказался на бронзовой лестнице. Спустившись по ней, он миновал вестибюль и, шлепая босыми пятками по мраморным ступеням, вышел в парадный дворик.

Сначала ему в глаза ударило солнце, и он зажмурился от яркого света, потом осторожно приоткрыл веки и замер, оцепенев... Его окружили удивительные существа, которых в первое мгновение он посчитал живыми. Потом он догадался, что они бронзовые и мраморные, но непонятная живость их лиц, их тел и поз продолжала завораживать мальчика.

— Мать честная, Богородица! — прошептал Егорка и перекрестился, испытывая одновременно изумление, восторг и испуг.

Он позабыл даже про свой голод и стал бродить между статуями, затаив дыхание, словно боялся, что они могут исчезнуть.

— Ты кто такой? — прозвенел позади него высокий голосок.

Мальчик обернулся. За его спиною, держа в руке наполовину съеденное яблоко, стояла девочка одних с ним лет или чуть помладше. У нее были большие круглые черные глаза, круглые щеки и много-много круглых черных кудряшек, раскиданных по плечам и по спине.

— Ты кто? — повторила девочка.

Егорка растерялся было, но тут же решил не сробеть, принял позу величавой небрежности и представился:

— Демин я. Егор. Рабочего Кондрата Демина сын. А ты кто будешь?

— А я Елена,— сказала девочка просто.— Если хочешь, можешь звать меня Леной. А ты чего в рубашке ходишь?

Мальчик пожал плечами.

— В чем же ходить, коли штаны мои унес кто-то? А ты вот скажи: знаешь, кто такие эти? — И он указал на статуи.

— Это? — Елена засмеялась.— Они тебе нравятся, да?

— Красивые! — Егорка, как ни солидничал перед нею, не мог скрыть восторга.— Они мраморные, ага?

— Мраморные и бронзовые. Это греческие и римские боги, герои, цари. Этот вот Аполлон, а это его сестра Диана. А этот большой бронзовый — римский император Октавиан Август. А вот, видишь, мальчик с крыльями и луком? Красивый, правда?

— Он ангел? — спросил Егор.

— Тоже скажешь! Он бог любви. Купидон. Его римляне звали Амур.

Мальчик смутился. Эта девочка так много знала, что говорить с ней было страшновато. Но, охваченный любопытством, он все же не удержался от нового вопроса:

— А кто ж их делал всех?

— Скульпторы,— ответила Елена.— Только очень-очень давно. Две тысячи лет назад, а то и больше...

— Ух ты! — не поверил Егорушка.— А разве и тогда уже люди были?

— Были и еще раньше,— кудряшки Елены потешно затряслись, она засмеялась.— Господь сотворил мир очень давно.

Такое известие поразило и потрясло Егора. Минуту он молчал, а потом спросил:

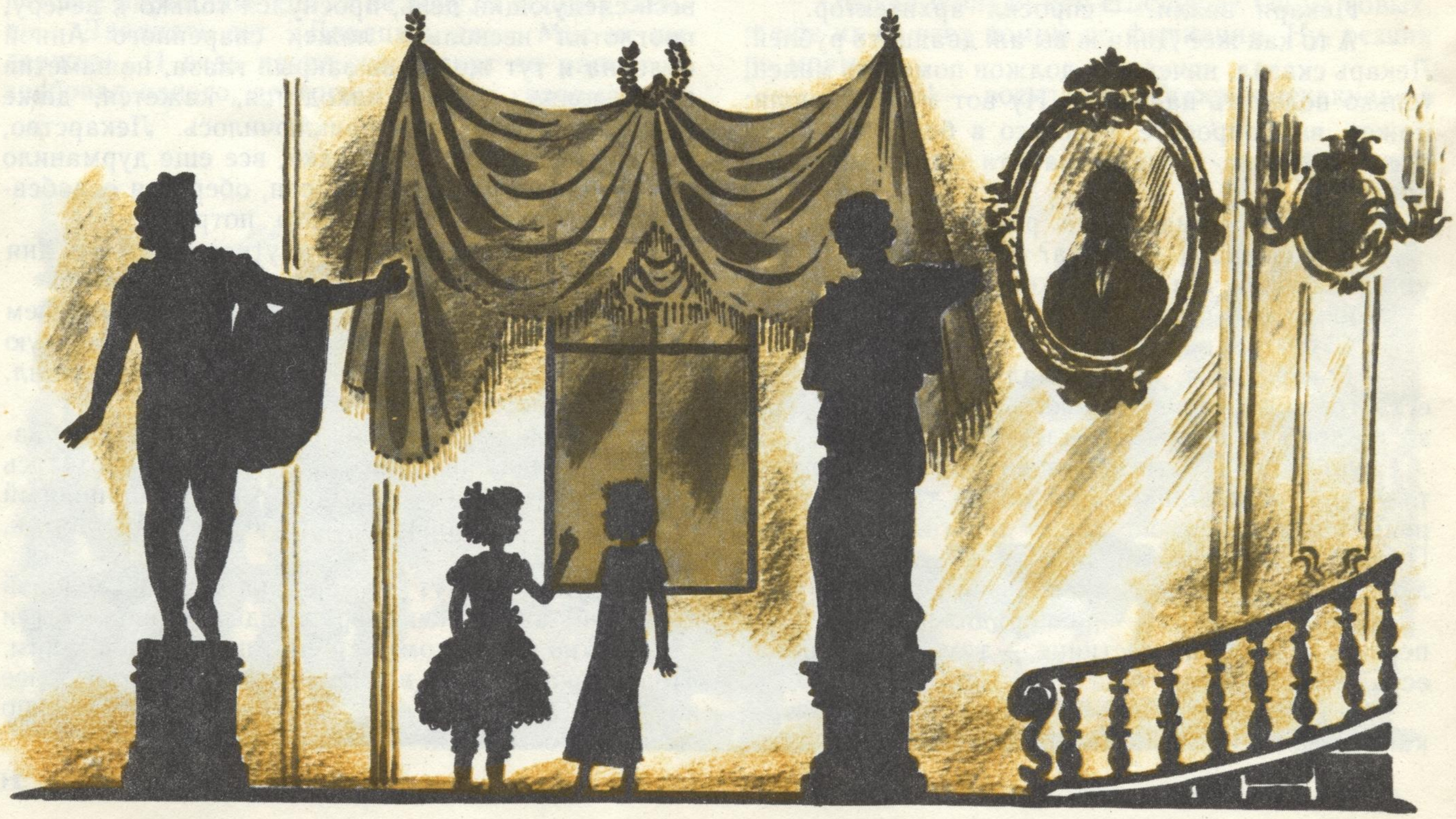
— Слушай, а ты кто? Дочка барина тутошнего?

— Какого такого барина? — удивилась Елена.— Ах, хозяина дома! Не-а, у него нет детей. Я дочь его управляющего, Алексея Васильевича. А ты хоть знаешь, чей это дом?

— Почем мне знать? Поди, графа какого...

— Сам ты граф! Это Августа Августовича дом.

Егорка ахнул.

— Ну?! Главного архитектора нашего?!

— Его. А ты, значит, тот мальчик, который с лесов упал, да?

Он шмыгнул носом.

— Я не падал, там доски разъехались. А как же это я тут оказался? И что Главный скажет, коли увидит?.. Поди-ка орать начнет...

— Дурачок! — возмутилась Елена.— Да он сам тебя сюда и принес. И доктора звал к тебе. А моя матушка с Варей возле тебя сидели. А я молилась вместе с матушкой, чтобы ты поправился. Вот ты и здоров теперь.

— Само собой,— Егорка опять зашмыгал носом, стараясь не показать своего смущения.— Значит, вот оно как... Наши мужики про Главного говорили, что он строгий, но не злой...

— Он очень добрый! — улыбнулась девочка.— Очень, очень! Мы все его знаешь как любим?! Слушай, хочешь доесть мое яблоко? Я больше не хочу.

Егорушка живо воспользовался этим предложением, после чего их светская беседа возобновилась было, но была прервана Варей, которая везде искала пропавшего больного и в испуге обежала уже полдома. Она поскорее водворила мальчика назад в гобеленовую гостиную, а Елену отправила к матушке, которая, по ее словам, «вовсе доченьки заискалась».

Целый день Егору пришлось пролежать в постели, но часть этого дня он проспал, потому что ему опять дали лекарство, да еще и накормили таким вкусным и сытным обедом, после которого спать захотелось бы и совсем здоровому.

Зато вечером после ужина мальчику вовсе не хотелось спать. Варя, накормив его, ушла, и Егор решил этим воспользоваться. Ему очень хотелось снова посмотреть на удивительных мраморных и бронзовых богов, а может быть, и снова найти во дворике Елену, без которой он уже начал скучать.

Как и утром, он встал и прямо в рубашке отправился по уже знакомой дороге к бронзовой лестнице.

В доме было по-прежнему тихо. Мальчик шел медленно, разглядывая красивые стены и двери коридора. Возле одной из дверей, не доходя лестницы, Егор задержался. Дверь была дубовая, и сверху в нее была вставлена чудная картинка: вокруг больших белых и розовых цветов вились птицы, яркие, веселые и ужасно маленькие — они легко помещались в цветках и длинненькими клювами пили из них нектар, все равно как пчелы.

Невольно Егорушка тронул рукой одну из птичек, и дверь, тихо заскрипев, вдруг приоткрылась. Мальчик увидел перед собой комнату с темной мебелью, со шкафами, креслами, в которых можно было утонуть, с большим столом, заваленным книгами и бумагами.

Возле стола, склонившись над какой-то бумагой, с карандашом в руке, стоял человек. Сзади Егорушке была видна только его согнутая спина и затылок со слегка взъерошенными очень светлыми волосами.

Услышав скрип двери, человек, не оборачиваясь, что-то сказал, но что именно, мальчик не понял — язык был чужой. Не услышав ответа, белокурый бросил через плечо уже по-русски:

— Это ты, что ли, Алеша? Входи, что топчешься?

— Я это... — сказал Егорка, делая шаг вперед.

И тотчас замер, ахнув от испуга.

Человек у стола обернулся, и мальчик узнал в нем... господина Главного архитектора! Егорке захотелось выскочить за дверь, но ноги у него приросли к полу. Впервые он увидел грозного Августа Августовича так близко...

Монферран несколько мгновений удивленно смотрел на вошедшего, потом улыбнулся:

— Ого! А ты уже ходишь! Что же, совсем поправился?

— Ага! Благодарствуйте, ваша милость! — заикаясь, пробормотал Егор.— Вовсе здоров теперь... Коли прикажете, тотчас уйду, только скажите, ради бога, чтоб мне штаны мои отдали!..

— Штаны? — Огюст поднял брови.— Разве в этом дело? Ну-ка иди сюда.

Он бросил на стол карандаш, сел в кресло и указал мальчику на другое — напротив себя.

— Садись.

Егорка со страхом глянул на высоченную спинку кресла и, подойдя к нему, неловко, боком сел на ручку.

Теперь Главный архитектор оказался вовсе рядом с ним, и он затаил дыхание, боясь поднять глаза. Мужики говорили, что взгляд Главного, если он сердится, прямо жжет до костей.

— Куда ты собираешься уйти? — тихо, очень мягко спросил Монферран.— Куда ты пойдешь?

— В барак,— ответил мальчик, пальцем вытирая нос.— В барак, к мужикам... А чего?

— А того, что места тебе там не положено. Ты же не рабочий.

— Батька ж рабочий был. А мне куды было деваться? А нынче куды?

Огюст кашлянул немного смущенно.

— Но тебе там работать нельзя. Ты же еще маленький.

— Я? — мальчик встрепенулся.— Не! Я, ваша милость, могу работать. Вы возьмите меня ну... ну хоть кем! Я сильный! Иль вы думаете, я слабый, потому как с лесов упал? Так они же разъехались... доски там гниловаты были: подрядчик, собака, подсунул...

— Он за это ответит,— голос Главного стал суров.— Но тебе нельзя на строительстве оставаться. Здесь сильные мужчины калечатся, гибнут. Я подумаю, куда бы тебя пристроить получше.

Егорушка зашмыгал носом и совсем низко свесил голову.

— Не надо меня пристраивать... Оставьте при соборе... Я ж не пьяница какой, чтоб меня гнать!

Огюст усмехнулся.

— Экий упрямец! Ну послушай, Егор... Как тебя по отчеству?

— По отчеству я Кондратьевич,— угрюмо пробормотал мальчик.

— Так вот, Егор Кондратьевич, взять тебя на строительство рабочим я не могу — ты же кирпичи таскать не сможешь, верно? А мастерству никакому не обучен. Или не так, а?

Главный опять заговорил очень мягко. И Егорка решился еще прошептать:

— Так выучиться ж можно! Я памятливый...

— Фу ты, боже мой! — Монферран придвинул свое кресло ближе к креслу Егора и наклонился, снизу вверх заглядывая в лицо мальчика.— Ну, что за упрямец! Тебе там медом намазано, что ли?

Мальчик набрал в рот воздуха и, вздохнув, проговорил:

— Не медом намазано вовсе... Мне собор нравится.

— Что-о?! — Огюст даже привстал в кресле и тут же упал обратно.— Что ты сказал?!

— Что слышали! — уже совсем дерзко выпалил Егор.— Нравится мне собор Исаакиевский, вот я его строить и хочу!

— Врешь! — вырвалось у Монферрана.— Ты... как это? Подли-зы-ваешься!

— Да вот вам крест святой! Да разве я врать-то стану! Красивый он! Коли хоть один камень в нем положу, век гордиться буду!

Огюст тихо рассмеялся.

— Ну-ну, хорошо сказал...— он взял мальчика за руку и осторожно притянул к себе.— Послушай, а тебе в рубашке не холодно?

— Не-а!

Егор опять мотнул головой и доверчиво подошел к Главному архитектору совсем вплотную, и тот вдруг, подхватив его под мышки, усадил к себе на колени.

— Завтра Алексей Васильевич купит тебе одежду новую и башмаки...

— Башмаки?! — ахнул Егорушка.— Отродясь у меня их не было!

— Ну, так теперь будут.

Кондрат Демин не сажал сына к себе на руки, не имел привычки его баловать, а каково было на коленях у матери, мальчик успел позабыть, и теперь вдруг его охватило ощущение незнакомого блаженства. Ему стало так хорошо на коленях у этого человека, которого он прежде так боялся, что Егорушка невольно опустил голову на плечо Главного и почувствовал, как учащенно колотится его сердце.

— Не выгоняйте меня со строительства, Август Августович! — ласково и настойчиво взмолился Егор.— К любому делу приставьте и поглядите — я справлюсь!

Монферран засмеялся и ладонью провел по мягким Егорушкиным кудрям.

— Ладно, Егор Кондратьевич! А что бы ты хотел делать? Чему тебя обучить?

— Меня-то? — маленький Демин просиял и тут же наморщил лоб и задумался.— Да я... Я бы хотел...

— Ну, что стесняешься? Говори!

И Егорушка выдохнул:

— Мне бы выучиться таких людей и ангелов мраморных делать, как те, что на дворе у вас! Можно тому научиться?

Огюст слегка отстранил от себя мальчика и посмотрел на него с еще большим интересом.

— Ого! А ты, оказывается... как это? С искрой божьей... Ну-ну! Научиться можно, только это трудно, Егор Кондратьевич. Сперва надо выучиться завитки и цветочки из мрамора вырезать, а потом уже к ангелам подбираться. Станешь всему понемногу обучаться? Годами, а?

— Стану,— решительно сказал мальчик.

— Отлично! По рукам,— Огюст опять улыбнулся и сжал в своей руке маленький Егоркин кулак,— через пять-семь лет хорошие мраморщики нужны будут больше, чем сейчас. Завтра же я попрошу мастера Лажечникова, чтобы он взял тебя в обучение. Знаешь Павла Лажечникова?

Егор слегка поежился.

— Еще б не знать... Злой как черт... Поди-ка бить станет! Но я не боюсь! — тут же спохватился он.— Пускай его бьет! Все одно учиться буду.

— Он не будет тебя бить.— Главный говорил спокойно и решительно, и словам его нельзя было не верить.— И не так уж он зол. А мастер это хороший, все говорят. Он и выучит тебя резцом владеть. А там посмотрим... Я договорюсь, чтобы тебе платили пока как ученику мастера. А из какой ты губернии? Как тебя писать?

— Я питерский,— гордо сказал Егорушка.— И не крепостной. Батька у меня раньше на заводе Берда работал, а после вот сюда нанялся, собор строить.

Огюст опустил голову, отвел взгляд и несколько минут молчал. Одна из морщин, вертикально перечертившая его лоб, стала вдруг углубляться и даже немного удлинилась. Егорушке ужасно захотелось ее разгладить, и он не утерпел: осторожно, одним пальцем провел по ней вверх и вниз и ощутил на пальце теплую влагу: пот, невидимо проступивший на лбу Главного архитектора.

На Курской дуге

В. ЛЯЛЕНКОВ

ПОВЕСТЬ-БЫЛЬ

Рисунки А. Голованова

Не думайте, что штаб фронта занимал, допустим, одну, две деревни. Нет. Только один КП (командный пункт) Центрального фронта занимал местечко Свобода километрах в тридцати севернее Курска. На берегу реки Тускарь. Там жил командующий фронтом Рокоссовский со своей оперативной группой. Остальные службы штаба находились в других деревнях, городках. И в самом Курске. Скажем, например, штаб тыла этого фронта находился в деревне Терепша — в 15 километрах от Свободы.

При штабах имелись специальные люди — квартирьеры. Они выбирали место, где обосноваться штабу. На самолетах осматривали местность. И с разных высот. Смотрели, чтоб место штаба, КП ничем не выделялось среди общего пейзажа. Так КП Рокоссовского располагался в обычных деревенских домиках рядом с бывшим монастырским парком, который с самолета казался обычным лесочком, каких в округе имелось много. Не думайте, что на войне всякие драматические случайности выпадают на долю только рядовых солдат и младших офицеров. Далеко не так!

Генерал Рокоссовский жил в домике, стоявшем перед входом в парк. Рядом с домом росли два тополя. В соседнем домике устроили столовую Военного Совета фронта. Обычно командующий фронтом поздно вечером просматривал шифровки последнего часа. А после этого шел ужинать в столовую. И вот в один из вечеров Рокоссовский почему-то не стал ждать шифровальщика. Может, ему очень есть захотелось. Или чаю попить. А может, сработала таинственная интуиция. Рокоссовский сам писал, что он не знал, по какой именно причине не стал ждать шифровальщика. Позвонил ему, чтоб тот принес шифровки в столовую. И отправился туда.

Вскоре пришли в столовую другие генералы. Ровно в 23 ноль-ноль шифровальщик принес депеши. И в это же время все услышали гул самолета. Пролетел он раз, второй и повесил несколько «люстр». И по звуку определили, что прилетел еще самолет. Вдруг послышался свист бомб. Рокоссовский крикнул: «Ложись!», все упали на пол. Оглушительный взрыв потряс столовую, стекла из окон полетели. Гарь, дым и пыль заполнили помещение. Никто, к счастью, не пострадал. А вот первая бомба угодила прямо в домик Рокоссовского, разметала весь. Погиб часовой, стоявший у дома, и еще один часовой и адъютант командующего фронтом получили ранения: они, едва засвистели бомбы, успели прыгнуть в щель.

К генералам прибежал еще один, фамилия его была Орел, он командовал бронетанковыми войсками фронта. На его лице было изумление, и он разводил руками.

— Ну и дела! — повторял он.

Когда он увидел «люстры», забрался в щель возле своего дома. Но, постояв там, выбрался и вернулся в дом. Другая бомба угодила прямо в щель, в которую он вначале забрался.

Когда все успокоились, генерала спрашивали:

— И как же это вы догадались вылезти из щели и вернуться в дом, Григорий Николаевич?

Генерал смеялся:

— Знаете, уж очень там тесно и холодно было, как будто в могилу попал и тебя сейчас зароют. Плюнул и вылез: если уж погибать, так лучше дома, в тепле...

Но ни лейтенант Никитин, ни Зобнин, ни все разведчики, которых прислали из разных частей и которые теперь ехали в крытом кузове машины,

---

Продолжение. Начало см. «Костер» № 5.

не знали, где штаб фронта, КП командующего Рокоссовского.

Привезли их ночью в деревню Золотиновка. Помимо разведчиков, здесь уже хозяйничали квартирьеры штаба тыла Центрального фронта. Жители деревни уплотнились, как тогда говорили: из каждой второй хаты люди перебрались к соседям. Жилье предоставили военным.

В амбаре бойкий и рослый старшина быстро выдавал приехавшим полотняные мешочки с пайком. В каждом мешочке американская тушенка, сгущенное молоко, плитка шоколада. Пшенный концентрат. Махорку и папиросы отдельно — по желанию. И по бутылке водки на троих. Разводящий офицер расселял по три человека. И всем говорил:

— Сутки на отдых. Отдыхать — сутки.

Никитин и Зобнин вдвоем, ибо в домике уже поселился капитан квартирьеров, пожилой, полный, с седой бородкой. Он не спал, а просматривал какие-то документы. Узнав, что прибывшие поживут три, четыре дня, он принял их. Разведчики с жадностью закусывали, удивляясь такому богатому пайку.

— Якина бы сюда,— говорил Зобнин.— В госпитале такой еды он не увидит.

— Если Васька оклемался,— говорил Никитин,— от госпиталя он увильнет. Плохо, если за нами следом они двинулись. Загребут их где-нибудь.— И они прикидывали возможные варианты судьбы товарищей.

Когда наелись, Зобнин свой шоколад сунул в вещевой мешок. Долго рассматривал полотняную сумочку от пайка.

— Ловко придумали здешние снабженцы. Пригодится.— И он сунул было сумочку в свой мешок.

— Не запасайтесь,— подсказал капитан.— Вам, разведчикам, еще не раз такие дадут.— И он поведал о том, что еще с месяц назад было секретом в армии.— Сейчас подсохло, трава пошла в рост,— говорил капитан.— А тогда ведь все водой было залито. Даже по грунтовой дороге на машине и телеге не проехать. И стали с фронта поступать рапортички: одни нули. Сухарей — ноль в роте, махорки — ноль. Ничего нет! А на складах под Курском у нас — полно всего. Рокоссовский и дал жару снабженцам. А что делать? Его же войска ведь до сих пор еще не все подошли: пехота топает где-то по степи от Сталинграда. И тыловая наша служба не вся подтянулась. И кто-то догадался: заказали курянкам шить вот такие мешочки. И побольше, килограммов на пятьдесят. Фабрика, знаете, круглые сутки шила. Натолкали маленьких мешочков в большие. И по цепочке передавали по всем участкам фронта. И выкрутились.

Никитин и Зобнин спали до полудня. Когда вышли на улицу, прошлись, оба были поражены. Здесь не было боев. Хаты стояли побеленные, наличники и ставни синие и зеленые. Сады уже зацветали. Все в зелени вокруг. И берега речки Терепши уже убраны пушистыми ивами.

— Да ведь весна, товарищ лейтенант! — говорил Зобнин так, будто очнулся от какого-то страшного сна.— И все цело!

Ребятишки бегали по улице, женщины звонко перекликались. А небо чистое, синее.

— Хлопцы, чего зеваете, галок ловите? — весело крикнула молодая женщина, стоявшая во дворе.— Молодайкам помогать треба!

А на западе, высоко в небе, кружили две пары истребителей. Там шел воздушный бой. Гула самолетов не было слышно. Изредка доносились тупые звуки их пулеметных очередей: тр, трр...

В хатке, окруженной палисадником и яблонями, Никитин доложил майору и капитану о случившемся в дороге у станции Мормыши. Его выслушали. Майор попросил подробно рассказать, как проходила операция в районе Купянска, когда соединение танков Попова прорвалось зимой в Красноармейское.

«Вот оно что,— подумал Никитин.— Они все знают. Вот почему нас вызвали сюда». Он рассказал.

— А как вы летом прошлого года под Горшечной обнаружили танковую дивизию немцев? — спросил капитан.

И всегда сдержанный Никитин даже засмеялся от удивления:

— И про это знаете? — произнес он. И расска-

ПО-2

НОЧНОЙ ЛЕГКИЙ БОМБАРДИРОВЩИК

зал, как совершенно случайно пробрались через вражескую дивизию. И только на рассвете уяснили, где они очутились... Знает ли он немецкий язык?

— Запросто беседовать с немцами, скажем, за столом, я не смогу,— отвечал Никитин.— Они мигом раскусят меня. Разговор их пойму. Коротко ответить или спросить — тоже можно. Но если допрос мне учинят, я тут же провалюсь.

Капитан стал задавать вопросы по-немецки. Никитин отвечал. Майор спросил о Зобнине. Никитин сказал, что с ним он пойдет на любое задание.

— Но вам нужен третий человек. Тройка нужна. Обязательно,— говорил майор.— Из прибывших с вами вы знаете кого-нибудь?

— Никого, товарищ майор.— Никитин встал.— Товарищ майор, если задание серьезное, чужого нам не давайте. Мы вдвоем пойдем.

— Чужих у нас нет,— ответил капитан.

— Хорошо,— сказал майор.— Мы дадим вам своего. Он два раза ходил, один раз летал. Вы не прыгали с парашютом?

— Нет.

Еще поговорили с Никитиным и отпустили. Отдыхали они трое суток. Узнали, что такое Курский выступ, Курская дуга. Что такое Орловский выступ немцев. Как они укрепляли его почти два года. И наши войска не одолели позиции немцев, обогнули их южнее, пробились вперед. Закрепились. И таким образом получилась эта Курская дуга.

Узнали, что с начала апреля гитлеровцы повели войну на уничтожение партизан в Брянских лесах. Задействовали не только полицейские, охранные и карательные части. Но бросили и полевые войска. С танками, артиллерией. Выделили авиацию. Соединения партизан окружили, и кольцо окружения постепенно стягивалось. Затем немцам удалось разрезать окруженных на части. Связи нашей разведки с ними прекратились.

Никитин ловил каждое слово майора и капитана. «Для связи с партизанами нас вызвали сюда, что ли? — думал Никитин.— Неужели для этого дела у них своих людей мало? А может, общую обстановку поясняют?»

Ночью увезли Никитина и Зобнина на полуторке ближе к передовой линии фронта. О задании так и не сказали. В пути много раз машина останавливалась. Слышно было, что справа, слева бойцы роют землю. И впереди копали. Шофер ругался, его тоже ругали из темноты. Требовали документы. Куда-то сворачивали, опять упирались в окоп или в копающих окопы. В конце концов шофер покрыл всех роющих землю руганью. Услал куда-то бойца, ехавшего с ним в кабине. Закрылся в кабине и уснул.

Никитин и Зобнин дремали. Горели звезды, беспрерывно урчали над головой «кукурузники». Казалось, они без всякого смысла ползают в воздухе туда и сюда, будто не знают, где им приземлиться.

С рассветом наступила тишина. Взошло солнце. Все пространство вокруг машины и до горизонта было изрыто окопами, траншеями. Виднелись блиндажи. Бойцы спали. В окопах и рядом с ними. И шинели, покрытые росой, казалось, подернулись паутиной.

— Эй, живы там, служивые? — крикнул шофер через разбитое заднее стекло.

— Живы, живы,— ответил Никитин.

И шофер медленно повел машину, объезжая окопы и спящих бойцов. А впереди в небе уже ползла вдоль фронта тяжелая черная «рама» — двухфюзеляжный вражеский разведчик. Каждое утро она прилетала, фотографировала позиции. А потом генералы немецкие сравнивали новые фотографии со вчерашними. И отмечали на них изменения.

В редком дубовом лесочке с густым подлеском машина остановилась. Там и представился Никитину парень лет тридцати. Назвался Ивановым и сказал:

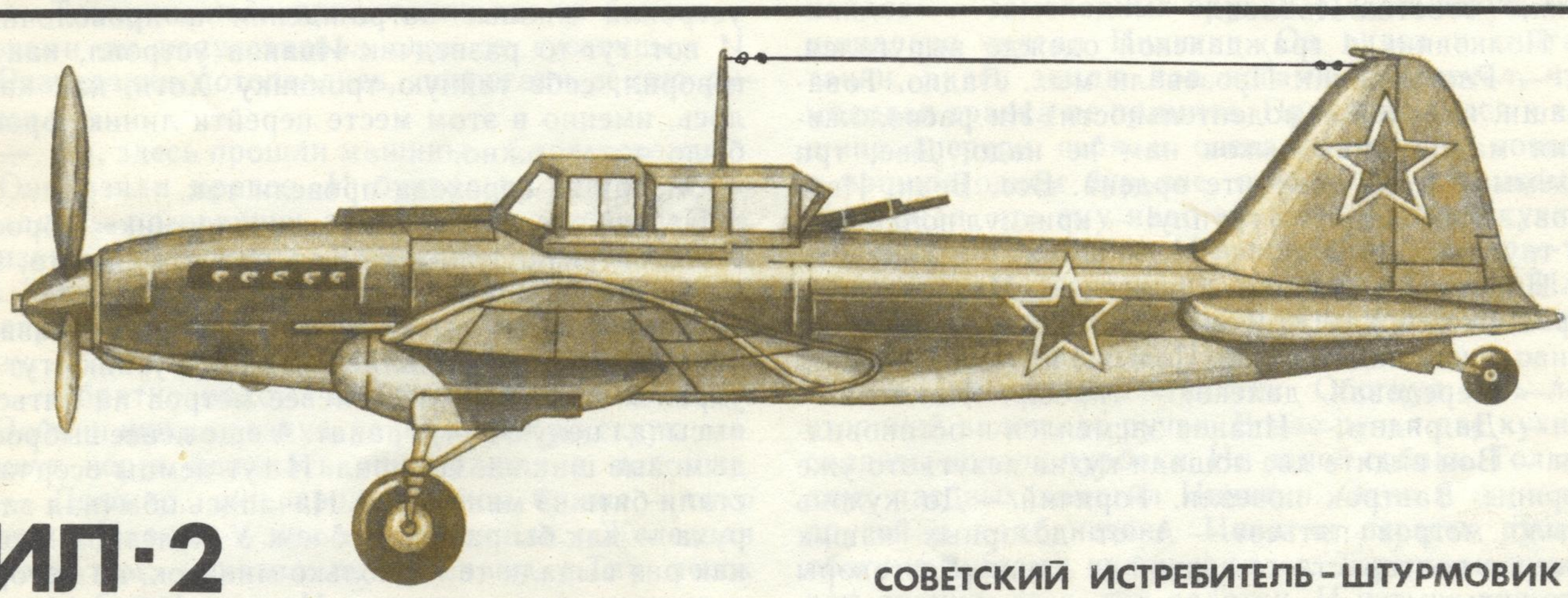
— Вместе пойдем.— И больше ничего о себе не сказал.

Между кустами были вырыты землянки. Одна из них была устроена глубоко. Никитин насчитал ступенек пятнадцать. «Ну и зарылись»,— подумал.

Мужчина в гражданской одежде сидел за большим ящиком вместо стола.

— Теперь с вами,— заговорил он, взглянув на Иванова.— Кто Никитин?

— Я,— сказал Никитин.

ИЛ-2

СОВЕТСКИЙ ИСТРЕБИТЕЛЬ - ШТУРМОВИК

— Слушайте внимательно. Пойдете с Ивановым. Маршрут у него. Изучите. Он вас ведет и прикрывает. Ваша задача: ни малейшей самодеятельности! Под Локотью, за речкой Нерусской, сосредоточились вражеские танки. Сколько их — не ваше дело, понимаете? Выгрузились танки пять дней назад. У каждого командира танка имеется схема маршрута. Или маршрутов. Конечно, хорошо, ежели заберете документы у крупной птицы. Но на выжидание дается вам трое суток. Не больше. Если у станции Локоть невозможно будет достать документы, пройдете до Кокоревки. Там попытайтесь. Туда тоже пришли машины. Все. Для пояснения: мы послали туда уже два отряда. Результата нет. Ходили из нашей армейской разведки. Что-то не срабатывает. Мы решили привлечь танкистов. Под хутором и Никольским танкисты сработали хорошо. Почему вас только двое?

Никитин рассказал о Якине и Королькове.

— А где эти, с которыми вас из Курска привезли?

— Всех к Рыльску увезли, товарищ полковник,— ответил Иванов.

Полковник в гражданской одежде выругался.

— Растащили... Прозевали мы... Ладно. Товарищи, никакой самодеятельности! Ни расположения машин, ни языков нам не надо. Две, три схемы — и вы получите ордена. Все. Веди, Иванов... Давай шестую группу! — крикнул полковник в трубку.

Никитин и Зобнин шагали за Ивановым по тропинке между кустами ивы. «Кукурузник» лениво урчал над головой. Повыше ползал еще один.

— Передовая далеко? — спросил Никитин.

— Да рядом.— Иванов засмеялся и остановился.— Вон видите две лошади кухни везут: это уже фрицы. Завтрак повезли. Горячий.— До кухонь было метров пятьсот.— А от дозорных наших метров полтораста до первой их линии. Разговоры слыхать.

Каптерка была устроена тоже в земле. Покуда Никитин и Зобнин выбирали и примеряли немецкие мундиры, Иванов сидел на ящике и говорил:

— У нас и у них здесь в окопах как бы договоренность: покуда нет сражения, не стрелять друг в друга. Что толку погибнуть без дела? Начнется драка, так уж была не была — кто кого. А без дела — не то. На той неделе приехали из штаба. Один генерал, говорили, из Москвы, увидел полуголых фрицев — те обедали. «Да что ж это такое? — говорит.— А ну задать им жару!» Еле уговорили его. Успокоили. Увели и увезли. Левее от нас так-то задрались. К Севску туда. А у них минометы. Широкой полосой минометы сразу за передней линией. Около часа сыпали мины. Еле угомонили их. Многих положили. А все зря... Вот мы пойдем, их за Литижем раздразнят. Они спесивые. За Сталинград грозятся перебить нас всех. Заваруху наши в этот раз хитро устроят: их раздразнят, они и начнут садить. А мы на их спеси у самой железной дороги проскочим. По ихнему же минному проходу...

Сутки ушли на подготовку. Поверх формы натянули комбинезоны, чтоб на первых порах не испачкаться сильно. Захватили с собой немецкие безопасные бритвы, одеколон. Иванов сказал, что каждые сутки надо бриться.

— Щетина их сразу настораживает,— говорил Иванов.

Курили только сигареты немецкие. И с собой взяли только одни сигареты.

— Собаки их на запах махры дыбом прямо лезут. За сотню метров учуют тебя...

Этот Иванов был так точен в движениях, аккуратен, деловит и спокоен — будто на охоту готовился.

— Откуда вы родом? — спросил Никитин.

— Чего лясы точить,— ответил Иванов.— Там знают, куда сообщить матушке!

В том месте, где железная дорога на Брянск пересекала линию фронта, насыпь и рельсы были разворочены. И с нашей стороны, и с немецкой устроили минные заграждения и проволочные. И вот тут-то разведчик Иванов устроил, как он говорил, себе тайную тропинку. Хотя, как казалось, именно в этом месте перейти линию фронта было невозможно.

Операцию перехода провели так.

Перед рассветом наш «кукурузник» сбросил обыкновенную гранату. Как раз в то место, где железная дорога пересекала передовые части и где под проволокой должны были проползти разведчики. Враги всполошились. И «кукурузник» тут же удрал к себе. А другой, левее метров на пятьсот, высыпал целую кучу гранат. А еще левее выбросил дымовые шашки. И удрал. И тут немцы осерчали, стали бить из минометов. Началась обычная заваруха — как бы разведка боем. У железной дороги как раз выпали те несколько минуток, на которые и рассчитывал разведчик Иванов. Несколько ми-

нут и мгновений ему нужны были. Они проползли под проволокой, через насыпь уже на немецкой стороне. И за насыпью в кустах среди мин затаились. И пролежали часа три, которые Зобнину и Никитину показались целой вечностью. По насыпи рядом с ними ходили солдаты, а они лежали. И поползли, когда началась пересменка дежурных.

За минным полем они залегли в кустах. Сняли с себя комбинезоны. Но не выбросили, а сложили и прицепили к поясам. А ночью уже пошли. Даже Никитина поражала выдержка этого Иванова. В одном месте Иванов чуть сбился с пути, и они вошли в лес. А лесок этот должен был оставаться справа. Они свернули, пошли вдоль опушки. И вдруг впереди вспыхнули фары машины. Разведчиков тоже осветило. Никитин и Зобнин застыли на мгновение. Хотели упасть на землю, а Иванов держал в зубах сигарету. Он чиркнул зажигалкой и прикурил.

— Э! — окликнули их.— Дорога на Селично, правильно? — спросил по-немецки голос.

— Да! Дорога идет прямо. Через мост поедете,— ответил Иванов и махнул рукой.

Фары погасли, и поползла колонна машин. Потом разведчики в овраге, заросшем кустами, нашли склад продуктов. Рация была на месте. Минут сорок Иванов просидел в наушниках. На связь вышел только один радист.

— В Навле и в Алтухове наших взяли,— сообщил Иванов, когда уже выбрались из оврага.— В Алтухове кто-то выдал. Он не работал: на связь не выходил. И взяли. Значит, продал кто-то из местных. Должно быть, донес какой-то мерзавец, мол, не из местных вот этот. Ну и взяли. Если рацию не нашли, может, и отбодается. Там парень толковый. А ваши танки на месте стоят.

«Ваши»! — подумал Никитин, но ничего не сказал.

На вторые сутки, ночью, обнаружили танки. Первым шел Иванов. Он говорил, что через час времени они будут на месте: за рекой местность пойдет на подъем, начнется сосновый лес. И в этом лесу стоят танки. Но Зобнин насторожился раньше. Они шли, стараясь ступать след в след. Зобнин вдруг зашептал:

— Товарищ лейтенант, танки где-то близко.— Ногами он почувствовал след от гусеницы.

Разведчики потоптались, потрогали землю руками.

— Да, здесь прошли машины... Следы свежие...

Они взяли правее. И буквально шагов через двадцать разведчики застыли и присели: запах бензина, запах масла — теплых машин остановил их. Левее и сзади спокойно заговорили по-немецки. И справа лязгнуло. Будто чем-то шаркнули по железу.

— Обратно надо,— шептал Никитин Иванову.

Зобнин нюхал воздух, уловил свежую струю его. Минут через двадцать они пришли к лощинке.

— Должно, они продвинулись ближе,— тихо говорил Иванов,— или новые пришли... Железная дорога там,— указал он за спину.— Там лесок должен быть.

Под деревьями они дождались рассвета. Наконец они увидели проселок, изрытый гусеницами. Потом в километре от себя увидели на опушке танки.

— «Тигры»,— определил сразу Никитин по `высоте и по мощным корпусам.

И тут разведчик Иванов удивил Никитина. Даже поразил. Иванов спокойно закурил сигарету, спокойно сказал Никитину:

— Ну, старшой, делайте свое дело. Озирайтесь, принимайте решение. А я кемарить буду. Я не спал вчера. Вы кемарили, а я стерег вас. Примете решение, разбудите: я прикрывать вас буду.— И он тут сжался калачиком и уснул.

Никитин и Зобнин посмотрели друг на друга.

— Слушай, Иванов... Иванов,— Никитин потрогал разведчика за колено. Но тот уже спал.

— Наблюдай здесь,— сказал Никитин Зобнину.

Далее по опушке стояли вразброд легкие танки. Продвигаясь, Никитин заметил упавшие срубленные сосны. Значит, сделали просеку, и танки загнали в лес. Потом еще срубленные деревья и еще. А затем он увидел мощные пушки «фердинандов» — самоходных орудий. Десять штук, машинально считал Никитин. Он видел и считал танки, видел землю под ногами и отмечал, что молодая травка не примята. Прислушивался к тишине впереди себя и слева. Затем он пополз в прошлогоднем бурьяне, огибая лес с танками. И он знал, что ему надо увидеть: полевые кухни, обычные автомашины. И непременно здесь где-то должны быть легковушки. Хотя бы пара их. Или одна. Там штаб. И тогда можно будет принять какое-то решение.

Весь день рыскал Никитин. Обогнул весь лес стороной вплоть до ручья. Возле ручья две кухни, солдаты кололи чурбаки. Ни одной собаки. Только двух часовых заметил Никитин. Один в шинели, другой в комбинезоне. Никитин пересек ручей, обогнул кустами кухни и залег. Теперь он видел всю опушку леса, три палатки. И четыре проруб-

ленных выезда в лес. Он жалел, что нет рядом Якина. Послал бы сейчас Ваську обойти весь лес. Тихо, спокойно было. Звенели в небе жаворонки. Солнце уже припекало. Где-то западнее завыли моторы, над близким горизонтом показались истребители. Четыре, семь, двенадцать. Унеслись на восток, расходясь в разные стороны.

Никитин заметил еще двух часовых. Оба появились у въездов. Видимо, они прохаживались по просеке.

Солнце перевалило зенит, когда, наконец, возле белого ствола березы у въезда, где стоял часовой, вынырнула черная легковушка. Сделала полукруг и скрылась в соседнем въезде.

До захода солнца Никитин больше ничего не заметил. Вернулся к своим. Разведчик Иванов спал в том же положении.

— И не просыпался?

— Нет.

— Собак не слышал?

— Нет.

— Часовые?

— Только двое. В комбинезонах. Я думаю, товарищ лейтенант, охрана у них слабая. Уж больно спокойны. Зениток нет, других служб нет. Должно быть, где-то туда дальше стоят. Это ж нам раздолье, товарищ лейтенант!

— Помолчи. Раздолье! — Никитин сам так думал. И боялся допустить оплошность. Если тут дивизия, то поблизости и другие службы ее.

— Офицеры вроде не появлялись,— говорил Зобнин,— да и черт их поймет: в комбинезонах все ходят!

— Что в комбинезонах — и хорошо: значит, не лагерем летним стоят. А те самые, готовые к действию. И собачек нет, вот что славно...

И они решили. Выследить командира танка будет трудно. И за неделю его не выследишь. И ошибиться нельзя. Действовать надо наверняка. Документы взять ночью. В лесу. В палатке или в землянке — что они там поставили.

Проснулся разведчик Иванов.

— Сидите? — сказал он и взялся за флягу.— Вот я и готов. Старшой, я в твоем распоряжении. Приказывай...

Они обсудили обстановку и пошли.

Иванова Никитин оставил на том месте, где пролежал сам весь день. Если они провалятся в лесу, он все равно не поможет. Если уйдут, а за ними погонятся, он прикроет, отвлечет на себя. И потом уйдет.

Ориентиром Никитин держал белый ствол березы. Он взял много левее, туда, где из лесу выезжала легковушка. Часового они не тронули. В лесу играли на губных гармошках. Разведчики бесшумно крались вдоль просеки. На поляне — танки, фонарь светился под деревом. И правее Никитин увидел палатки. Дальше еще ряд палаток. Из этих проникал свет через щели полога. В палатках играли на гармошках. Легковушка стояла перед палаткой. Где-то глубже в лесу заиграл патефон, и донесся дружный смех.

— Возьми фонарь,— сказал Никитин Зобнину.

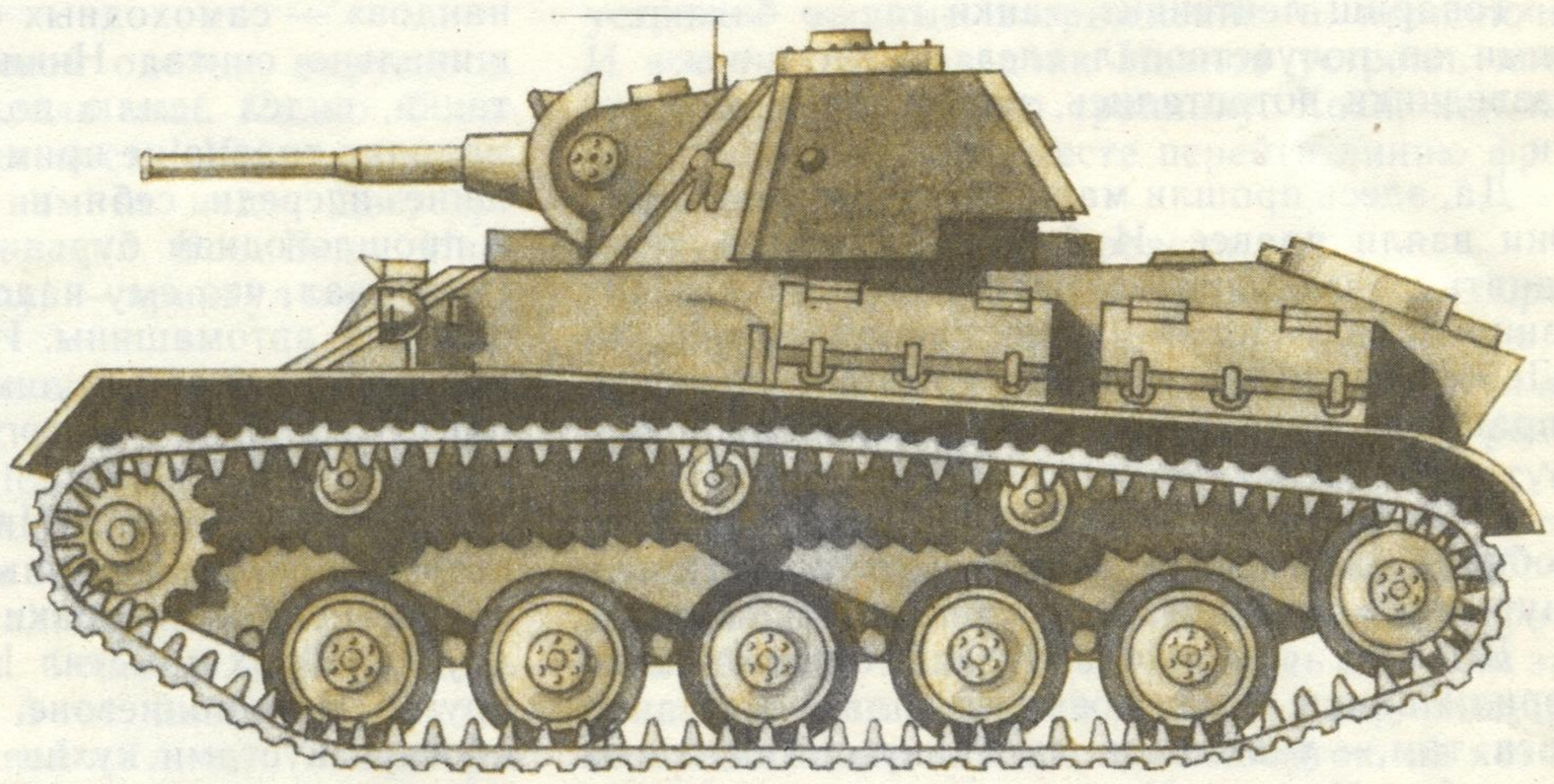
Тот взял, они шли спокойно перед палатками. В легковушке никого. На сиденьях ничего нет. Вот палатка с откинутым пологом. Зобнин посветил. Никого нет. Походная койка, чемодан, офицерская фуражка. Никитин вскочил в палатку. Он хотел схватить чемодан, но увидел у стены на койке портфель, полевую сумку. Он потом признавался, что хотел заглянуть в сумку, в портфель, но не выдержал. И выскочил из палатки.

— Брось фонарь! — И они пробежали за деревья.

Но, как это бывает очень часто в подобных ситуациях, произошла нелепость, какой ни Никитин, ни Зобнин не могли даже ожидать от самих себя. Шагов через десять они уперлись в колючую проволоку. Подлезли под нее. Впереди послышались звуки губной гармошки. Они замерли. И вдруг Никитину, опытному разведчику, ударило в голову: они заблудились! Он не знает, куда идти. У него кружилась голова. И Зобнин шептал:

— Куда же? Что такое?

СОВЕТСКИЙ ЛЕГКИЙ ТАНК

Т-70

А гармошка прекратила играть и вскоре заиграла снова, но тише. И вот Никитин справился с собой. Они осторожно пошли на звук гармошки. Иначе-то ведь и некуда было идти! Не назад же им возвращаться!

Тихонько играл на гармошке часовой возле белой березы. Убрать его? Если окрикнет, пусть пеняет на себя. Разведчики обошли его. Бежали они без остановки километров пять следом за разведчиком Ивановым. И только потом заглянули в портфель и сумку. В сумке нашли схему движения всей шестой немецкой танковой дивизии группы армий «Центр». В портфеле обнаружили карту расположения армий всей группы.

Когда они вернулись к своим, не то что землянок, но лесочка не нашли на том месте, где он рос. Немцы неожиданно провели здесь разведку боем. Все разбомбили. Полковник в гражданском погиб. На попутке разведчики добрались в Золотиновку. Разведчик Иванов и майор, который беседовал с кантемировцами, тут же увезли добытые документы в Курск. Никитину и Зобнину майор велел ждать его возвращения.

Неделю кантемировцы отдыхали в хатке капитана службы тыла. Сначала радовались, что их никто не беспокоит. Гостили у женщин в соседней хате. А потом получилось так, как часто случается на войне. Их вызвали в ту же хатку, окруженную яблонями. Встретил их там очень высокий незнакомый подполковник и спросил:

— А вы что сейчас здесь делаете, товарищи?

Никитин все рассказал. Подполковник покопался в бумагах и сказал:

— Странно получается: в списках вы есть. Но распоряжения насчет вас нет. Майор Первухин откомандирован на Брянский фронт. Капитан Уклеев погиб в Курске при налете.— Подполковник подумал.— Вот что, товарищи...— И подполковник предложил им ехать в разведшколу.

— Три месяца поучитесь. И вернетесь сюда.

Никитин вскочил:

— Дайте нам направление обратно в наш корпус,— попросил он.

— Этого я не могу сделать. Это могут решить только в штабе. И почему вы были присланы сюда через особый отдел фронта? — Так спросил подполковник.

Никитин и Зобнин этого не знали.

— Ну, ждите,— сказал им подполковник.— Я пошлю запрос в штаб..— И он вышел зачем-то из хаты.

А направление, с которым они приехали сюда, лежало на других бумагах. Зобнин взглянул на своего командира. И сунул направление в карман. Хоть какой-то документ.

Вернулся подполковник.

— Вы еще здесь? — сказал он.— Запрос о вас сегодня уйдет. Но могу вам предсказать: вам придется поехать в школу. Три, четыре месяца всего! Вы свободны.

Вечером, прихватив свои вещмешки, Павел Никитин и Зобнин укатили на попутке в Курск. Там они явились в разведывательный отдел штаба фронта, со двора которого их увезли на машине. В канцелярии нашли их дело. И в деле было записано, как они отлично выполнили боевое задание. И больше ничего не было написано о них.

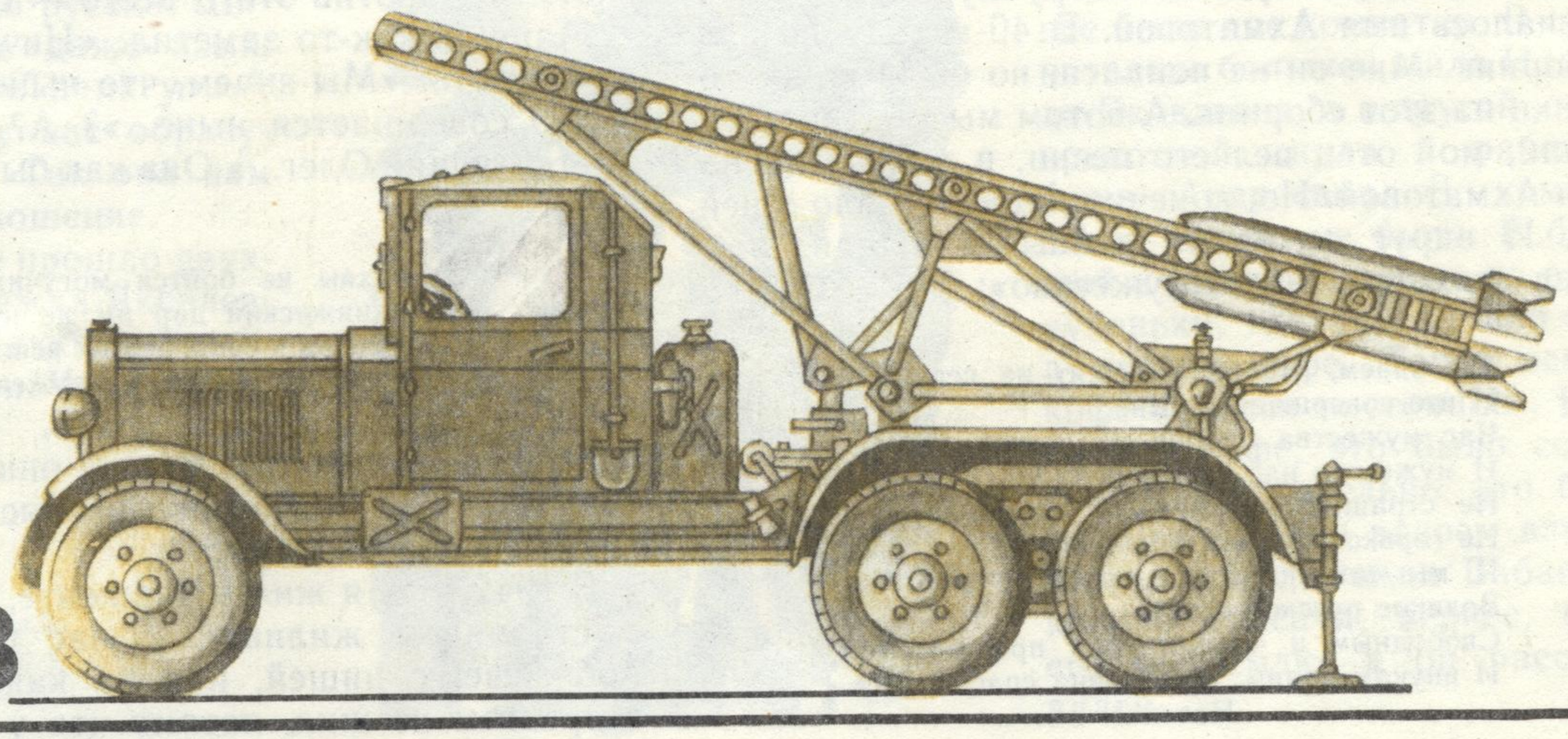
— Наш срок командировки закончился! — говорил Павел Никитин.— Мы выполнили задание, нас отправили обратно. Майор Первухин отправил. И капитан Уклеев обещал выписать нам направление. Но он погиб здесь в Курске. При бомбежке. А нам нужно срочно в свой корпус! Мы и так задержались на две недели!

Военные входили то и дело в комнату. Что-то докладывали, приносили. Постоянно звонил телефон. А Никитин и Зобнин то и дело оглядывались на пришедших: вдруг связной от того подполковника явится!

Наконец они получили направление, выписку с характеристикой выполненного задания. И бросились вон из штаба.

Окончание следует

СОВЕТСКАЯ РЕАКТИВНАЯ ПУСКОВАЯ УСТАНОВКА

БМ-13

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АННЫ АНДРЕЕВНЫ АХМАТОВОЙ

Анна Андреевна Ахматова (1889—1966 гг.) родилась в Одессе, отец ее был инженером-механиком флота.

Через год семья переехала в пригород Петербурга. Здесь, в Царском Селе, известном своим Пушкинским Лицеем и тенистыми поэтичными парками, прошло детство и отрочество Анны Ахматовой. Она училась в гимназии, а каждое лето проводила у моря под Севастополем. Там ее прозвали «дикой девочкой», потому что она ходила босиком, ныряла с лодки и даже купалась во время шторма.

Первые стихи Аня написала в 11 лет.

Родители по-разному относились к поэзии и творчеству. Мама наизусть читала дочке стихи Державина и Некрасова. Позже Аня познакомилась с поэзией Лермонтова и Пушкина, с которой не расставалась уже всю жизнь. А вот отец не разрешал дочери даже первые подготовленные к опубликованию стихотворения подписать настоящей фамилией — Го́ренко. Тогда и была взята как литературная фамилия прабабушки — Ахматова.

Первый поэтический сборник «Вечер», вышедший в 1912 году тиражом в 300 экземпляров, был замечен любителями поэзии и положительно оценен критиками. В те годы Анна Ахматова вместе с мужем — поэтом Николаем Гумилевым — входила в литературное объединение акмеистов («акме» по-гречески — «высшая степень»). В 1914 году вышел второй сборник «Четки», принесший Анне Ахматовой всероссийскую известность. Стихи привлекали лаконичностью, точностью слова,

умением выразить самыми простыми средствами тончайшие переживания любящего сердца, его радости и печали. Вместе с тем от книги к книге стихи становились глубже, значительнее, драматичнее. Все явственнее звучит в них тема самой высокой любви — любви к родной земле, своему народу. И молитвенное пожелание в строках 1915 года:

Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей

становится в стихах периода Великой Отечественной войны мужественной клятвой, произнесенной от имени всего народа,— сберечь русскую речь, выстоять, победить! С полным правом в последние годы жизни Анна Ахматова говорила о своих стихах: «Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны».

Многие беды нашей истории обожгли ее сердце. Репрессии коснулись ее семьи, ее творчество в послевоенное время подвергалось грубым нападкам и долгие годы было в забвении. В этот период Анна Ахматова работает над статьями о Пушкине, занимается стихотворными переводами. Известны ее блестящие переводы поэзии наших братских республик и многих зарубежных поэтов.

Теперь стихи Анны Андреевны Ахматовой переведены на многие языки народов мира. За поэтическое творчество в Италии ей присуждена международная литературная премия, в Англии она удостоена звания почетного доктора Оксфордского университета.

Похоронена Анна Андреевна Ахматова под Ленинградом на кладбище в поселке Комарово — здесь она проводила лето в последние годы жизни. В Ленинграде, в Фонтанном доме, том самом, у которого стояла Анна Ахматова на противопожарном посту в блокадные дни, создается мемориальный музей-квартира поэта.

1989 год решением ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) объявлен годом Ахматовой.

„Мы знаем, что ныне лежит на весах..."

Валентин БЕРЕСТОВ

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Рисунки О. Филипенко

В Ленинграде до войны выходил журнал «Литературный современник». Приходил он и к нам в Калугу. Еще я любил читать журнал «Литературный критик». Отец приносил гору журналов, и там встречалось имя Ахматовой. В 40-м году вышел ее сборник. Мне он не попался, но были какие-то отклики на этот сборник. А потом мы Вертинского любили, мой отец пел его песни, в том числе на стихи Ахматовой. Но, конечно, я очень мало о ней знал. И вдруг во время войны в «Правде» я прочел стихотворение «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

В те дни Гитлер собирался сделать из нас рабов. Тех, кто белобрыс, у кого лица «арийские», так и быть, онемечат, а остальных превратят в рабочий скот. Вот против этого всего — стихи Ахматовой.

Маршак как-то заметил: «Ничего вам не напоминает это: «Мы знаем, что ныне лежит на весах и что совершается ныне...»? А? «Как ныне сбирается вещий Олег...» Она как бы опиралась еще и на это:

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.

Вот они какие, поэты! Всегда они отстаивали свободу, язык. И этот голос из тысячелетий проник в современную поэзию.

В 1942 году я жил в Ташкенте, в старом городе, в старинном жилище. У нас были стены глинобитные, с нишей, и нора какого-то зверя, но зверь там не жил, потому что у нас нечем было

поживиться. И я туда прятал свои стихи, чтобы о них никто не знал. Лишь двоюродному брату Коле я их показывал. А он потребовал, чтобы я показал стихи Чуковскому. Корней Иванович прочел. И добился, чтобы меня включили в литературный кружок Дворца пионеров, чтобы мне дали карточку в столовую, чтобы обо мне позаботились. И пришли ко мне Зоя Туманова (это теперь писательница в Узбекистане — переводчица, поэт и прозаик) и Эдуард Бабаев (ныне поэт и исследователь Льва Толстого). Они позвали меня в Ташкентский Дворец пионеров, в Дом художественного воспитания детей, и там с нами стали заниматься. Нашими педагогами были необыкновенные люди. Лидия Корнеевна Чуковская с нами занималась литературоведением. Мне, помню, дали тему «Пушкин о Баратынском», а я решил писать «Пушкин и Баратынский». Лидия Корнеевна сказала: «Это необъятная тема, ты не сможешь ее поднять». Увы, я и сейчас не мог бы ее поднять.

А вторая преподавательница была Надежда Яковлевна Мандельштам, вдова замечательного поэта Осипа Мандельштама. В кожанке, носатая, энергичная, с вечной папиросой во рту, похожая на Бабу-Ягу, но достаточно добрую. И она нас собрала, Бабаева, Туманову, меня, и сказала: «Ну, вундеркинды проклятые, не знаю, станете ли вы поэтами или не станете, баловать я вас не хочу, но хоть какая-то польза должна быть у вас от занятий со мной. Какой язык вы хотите изучать? — спросила она.— Выбирайте. Французский — прекрасная проза, так себе поэзия. Немецкий — проза так себе, прекрасная поэзия. Английский — прекрасная проза, прекрасная поэзия». Мы закричали: «Английский!» Тогда она сказала: «Shut the door!»[1] Мы растерялись: «Чего?..» Но она ни слова уже с нами не говорила по-русски. «Shut the door!» И мы, повинуясь ее приказу, пошли и закрыли дверь. «Open the door!»[2] И мы открыли дверь. Потом она сказала: «Open the window!»[3] и показала на окно. И мы открыли окно. Потом она заговорила по-русски: «Для того, чтобы изучать английский, нужно потерять всякий стыд, каждую букву произносить неправильно, блеять, лаять. И все делать не так, как по-русски. Шипеть! Высовывать даже язык, когда говоришь: «Thank you»[4]. Но зато навык у вас образуется сам собой». Так она нам поставила произношение.

После этого, не прошло двух-трех уроков, Надежда Яковлевна говорит: «Вы любите стихи. Вот вам Стивенсон. Чудные стихи».

И мы, ликуя, читали и восхищались звуками английской речи. Но это были детские стихи. «Хорошо,— сказала преподавательница.— Есть взрослый поэт, который еще легче, чем Стивенсон». И принесла нам Эдгара По. Мы стали его читать, и он, действительно, оказался легким для чтения. И мы даже его переводили.

Я переводил:

Один я рос в этом мире слез,
Больной, усталый душой,
Когда милая фея Евлали
Стала дивной моей женой,
Златовласая фея Евлали
Стала юной моей женой.
Ах, землю пройти, нигде не найти
Лучезарней ее очей.
Сравнится ли дым под небом ночным
В бледных отблесках лунных лучей
С легким локоном милой Евлали,
Ненаглядной Евлали моей,
С тонким локоном юной Евлали,
Златовласой Евлали моей.

И Бабаев тоже переводил: «Рыцарь младой, латник простой вышел сквозь,зной и прохладу...»

И вот Надежда Яковлевна, чтобы похвастаться нашими успехами, привела нас к Анне Андреевне. А нужно сказать, что я уже побывал у Ахматовой, когда у меня еще не было успехов в английском языке. Тогда Ахматова жила недалеко от главной площади Ташкента. Надежда Яковлевна меня привела, и Ахматова попросила, чтобы я прочел стихи. Я прочел. И она сказала: «Вы знаете, что я хочу сказать». Я не знал. Но сделал вид, что знаю. И она мне такого ежа за пазуху посадила! Потому что я начал думать, что же хочет сказать Ахматова? И вдруг я увидел, что мои стихи, хоть мне и было четырнадцать лет, невероятно старомодные, очень подражательные, что в них то тут, то там слабые рифмы, что в них много общих высказываний и мало самой жизни. В общем я, месяц за месяцем, начал понимать, что хотела сказать Ахматова. (Может быть, она хотела сказать что-нибудь другое? Не знаю.)

И вот второй раз Надежда Яковлевна нас привела. Уже на улицу Жуковскую. Там был большой дворик. Жила теперь Ахматова на первом этаже, у нее было две комнатки. В сравнительно большей жила Надежда Яковлевна, а в другой, очень крохотной, жила и работала Анна Андреевна. В комнате почти ничего не было. В большой комнате было что-то вроде кухоньки, где они варили чай, а иногда кофе. Тогда всякий кофе казался настоящим. Если имелся кофе, это было совершенно замечательно, это было пиршество. Они вдвоем варили его на углях, а мы с Бабаевым кололи саксаул, вернее, били его об землю, и он расслаивался.

---

[1] Закрыть дверь (англ.).
[2] Открыть дверь (англ.).
[3] Открыть окно (англ.).
[4] Спасибо (англ.).

Ахматова спросила: «А вы читали английскую грамматику?» И тогда мы (нас Надежда Яковлевна слишком перехвалила) совершенно нахально ответили: «Анна Андреевна, грамматика — учебник, а не книга. Учебник проходят, а не читают». Она воскликнула: «Боже, какие они еще школяры! Учебник — такая же книжка, как «Три мушкетера». Только чуть-чуть скучнее. Я просто не понимаю, как можно читать учебники мелкими кусочками и не знать, что будет дальше». И она дала нам английскую грамматику и сказала: «Приходите, как только прочтете». А Надежда Яковлевна уговорила ее почитать нам «Поэму без героя». И Анна Андреевна прочла кусочки поэмы в первом варианте. И нам еще раз захотелось прийти к Ахматовой и послушать поэму. Это был голос мировой культуры и в то же время — голос сражающегося Ленинграда. Необычный такой, красивый ритм. Как видения, вставали великие поэты. Кого там только не было! И Блок проходил загадочно, как в маске. И утонувший Шелли лежал на берегу. Конечно, мы не все поняли. Но не беда, думали, вырастем — поймем. А потом там были такие вещи, которые расшифровывать не надо. Вот она про Ленинград писала:

Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах
И на гулких дугах мостов,
И на старом Волковом Поле,
Где могу я рыдать на воле
В чаще новых твоих крестов.

До сих пор — и Анны Андреевны нет, и война прошла — я, кажется, вижу отражение Ахматовой в этих каналах. И потом, как поразительно: «Мой редактор был недоволен, притворился, что занят, болен, засекретил свой телефон». Батюшки! Вот это поэт! Все поэты тогда боялись редакторов, а тут редактор боится поэта, прячется от него. Как хорошо! Вот она какая была, Ахматова.

Когда мы в следующий раз пришли, она произнесла: «Так. Карамзин сказал: «Английский понимает тот... (Опять вся русская культура! «Карамзин сказал...» Как будто Карамзин сказал ей вчера!) Английский понимает тот, кто понимает, для чего нужны связки should и would. Три минуты. Можете пользоваться книжкой». Мы тут же залезли в грамматику — мы уже знали, где это,— и ответили ей. Она кивнула: «Ну вот, видите, теперь вы свободно ориентируетесь в английской грамматике. Можете ей пользоваться, она вам будет помогать». Вот так она нас учила английскому языку. Нужно было вообще записывать за ней каждое слово... Вот у меня сохранились листочки тех времен, я кое-что за ней записывал. Например, она очень полюбила пение узбекской артистки Халимы Насыровой, и однажды был концерт. Халима Насырова пела по радио песни без слов разных композиторов: от старинных до Глиэра. Ахматову мы застали пораженной этим пением, и она сказала: «Как будто на сорок минут был включен рай».

Она говорила, что скидки на возраст поэту даются только до 17 лет. И то, с 16 лет скидка уже пять процентов. Он уже должен быть поэтом.

Мы видели, как она работает. Придешь к Надежде Яковлевне заниматься, и вдруг рука Ахматовой из двери показывается, и Анна Андреевна говорит про себя в мужском роде: «Я больной». И верно, если она сейчас не будет писать стихи, не запрется, не ляжет в постель, не завесит окна, чтобы никто не мешал, она действительно заболеет. И будет беда. Когда стихи у нее складывались, она не только записывала, но и проговаривала их. Записывая, надевала очки. Никто никогда не видел Анну Андреевну в очках, а мы видели. Она забывала, что должна выглядеть королевой, и очки оставались у нее на носу, когда она потом ходила по двору среди дымящихся очагов и сама себе повторяла свои стихи, проверяла строчки. Вот так она работала. Таинственное дело, но она ничего мистического с ним не связывала. Говорила: «Я стала делать стихи». Или: «Сегодня я стала делать прозу. Это было блаженное занятие».

Нам было невыносимо стыдно перед ней, что мы так мало знаем. И мы воспользовались тем, что во Дворце пионеров появилось объявление: «Особняк графини № 1. Суворовский бал». Мы взяли в канцелярии Дворца справки с просьбой записать нас в Публичную библиотеку и в фундаментальную библиотеку Средне-Азиатского университета, будто бы только для того, чтобы подготовить роли в этом маскараде. Я решил играть роль поэта Дмитриева, баснописца, очень известного поэта той поры, друга семьи Пушкина. Ну, конечно, стихи Дмитриева я сразу выписал, первым делом. Я думал, что дамы будут ходить с альбомами, и я буду рисовать в них ангелочков и вписывать туда четверостишья. Но очень скоро я выписал и Гумилева, и Мандельштама — стихи и прозу. Все это было в библиотеках, выдавалось тогда. Может быть, забыли изъять. Или во время войны был более свободный дух. Мы с Бабаевым наперебой ходили из библиотеки в библиотеку и каждый вечер делились «добычей», переписанной из книг и журналов. Мы прибегали радостные, потому что только что познакомились со Случевским, с Сологубом... Ахматова спросила: «Когда же

дойдете до Иннокентия Анненского?» Анненский был учителем Ахматовой. Он писал о служении Поэзии:

...Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаяньи святынь
Искать следов Ее сандалий
Между заносами пустынь.

И вот поэзия Ахматовой как бы прошла по пескам пустынь, рядом с Ташкентом, и видны следы ее сандалий.

Эти наши завоевания Анну Андреевну очень радовали. И однажды нам устроен был такой праздник. Нам были прочитаны неопубликованные стихи Мандельштама. Особенно сильное впечатление на меня произвел «Неизвестный солдат». Ахматова сказала, что когда в Воронеже, в ссылке, Мандельштам написал эти стихи, он произнес: «Вот теперь я готов к смерти». И тот чистый голос: «Я к смерти готов» из «Поэмы без героя» теперь нам стал понятен. Это Мандельштам, написавший стихи про неизвестного солдата, про то, что вот теперь грозит человечеству. В сущности, он написал про ядерную войну.

Однажды я встретил Ахматову на улице. Она брела, не разбирая дороги. Наверное, сочиняла. Я решил ей не мешать. Анна Андреевна сама увидела меня и сказала: «Сегодня снята блокада Ленинграда».

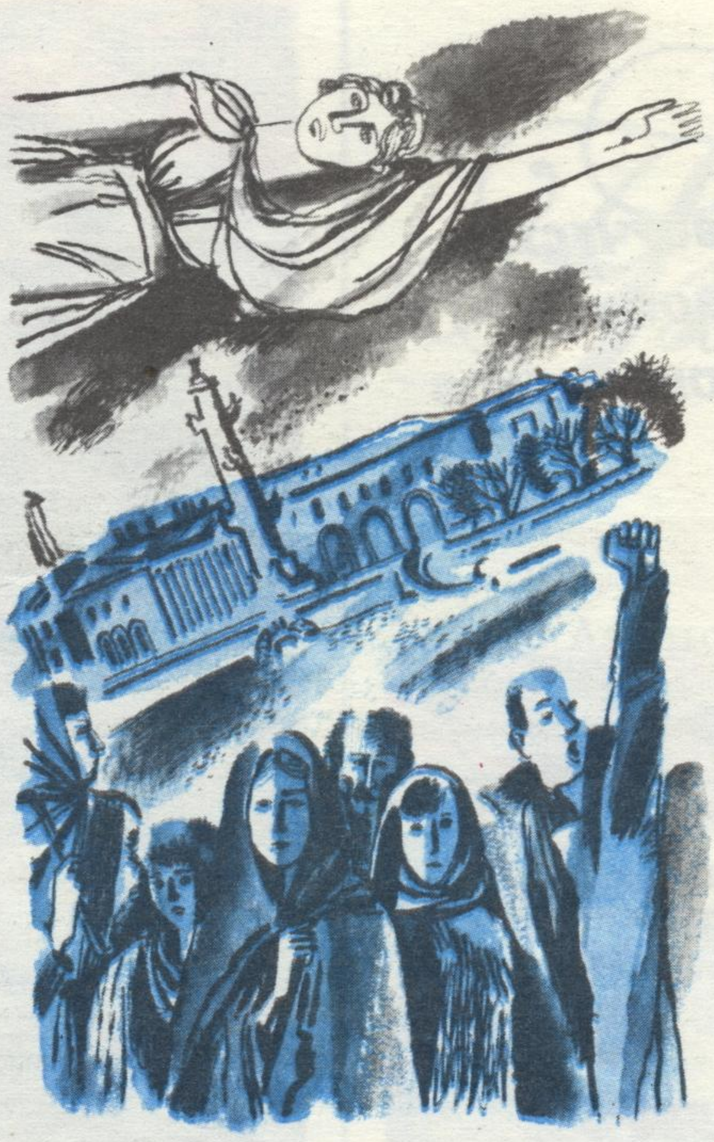
Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки,—
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,—
Внуки, братики, сыновья!

Эти стихи ленинградского цикла рождались при нас. Вчера их не было, а сегодня они появились. Это было какое-то чудо.

Известно, что Анна Андреевна возила с собой, где бы она ни была, Данте по-итальянски, Пушкина по-русски, Библию по-церковнославянски. Еще несколько книг. В Ташкенте у нее были подаренные ей Мариной Цветаевой «Поэма горы» и «Поэма воздуха». Она потом нам прочла. А еще она возила с собой Джона Китса. Это был ее любимейший поэт. Она читала нам «Оду к соловью», «Оду к греческой урне» — два самых любимых ее стихотворения Китса. И она говорила: «Китс начинает строчку и сразу взлетает, раз — и взлетел, почти без разбега. Уже давно такого звука не было в нашей поэзии». Я подумал: разобьюсь, а этот звук я добуду. И вот два года я добывал в себе этот звук.

И вдруг — весенний Ташкент, мне предстоит отъезд буквально через неделю. Я сочинил несколько весенних стихов и прочел Анне Андреевне.

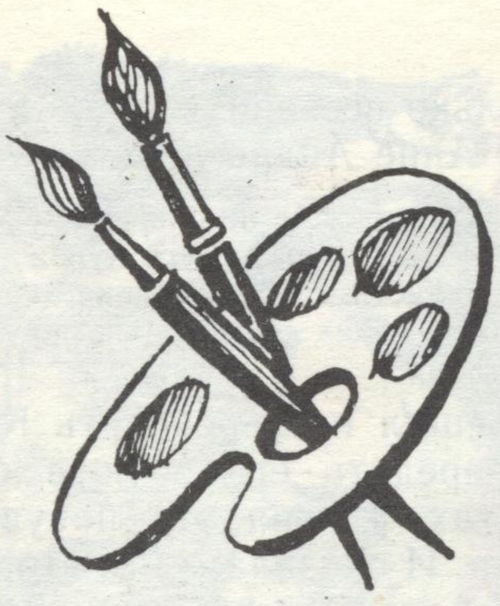
А весна еще не оперилась
И на дне иссохшего дупла
В листья прошлогодние зарылась,
Из сухих ветвей гнездо свила.

Я решил не переводить Китса, а передать его звук в своих стихах. И она это почувствовала. И сказала: «Да, это Ташкент, каким я его вижу своими глазами. Я ведь тоже живой человек! Ну, теперь все зависит от судьбы». Я сказал: «Анна Андреевна, какое счастье! Это мне лучший подарок сегодня. Сегодня мой день рождения, мне шестнадцать лет». Она сказала: «Мы будем чествовать вас». И она приготовила сама бухарский плов. Мяса не было, кто-то ей принес курагу, изюм. Получился рис с курагой и изюмом. И мы пили кофе — драгоценность! — и ели «бухарский плов». Почему-то читали Козьму Пруткова, страшно хохотали. Ахматова была необыкновенно остроумна. Мы смеялись, и она в конце концов начинала нас стыдить: «Эдик, Валя, как вам не совестно! Я же Ахматова, а не Чаплин, перестаньте смеяться!» А мы смеялись еще больше. И тогда она говорила: «Нет, они ничего не понимают. Возьмите Краткую литературную энциклопедию, на букву «А» и прочтите, что там про меня написано. Я — трагическая поэтесса, мне присущ пессимизм, а вы хохочете». И мы опять смеялись. С тех пор я не стремлюсь ни к каким премиям, потому что ничего лучше этого уже не будет никогда. И такого дня рождения, и такого признания. Ну, не может быть. Все мое мальчишеское честолюбие было удовлетворено полностью, на всю жизнь.

Она проявила по отношению к нам поразительный такт. Она нас жалела. Мы ведь тоже были дети войны. И тяготами своей жизни с нами не делилась. Делилась радостью, поэтической своей радостью. Красотой мыслей, стихов, цветов, деревьев, звезд. Сколько в ее жизни было тогда горя! Ничего мы об этом не знали. Вот я недавно узнал ее «Реквием». Тогда она нам его не читала. Ахматова появлялась перед нами, как появляется хороший учитель, собранная, остроумная, увлеченная искусством и историческими событиями.

Что еще сказать о ней на прощанье? Постоянно, когда я читаю ее стихи, я слышу ее голос, будто она читает их сама. Каждый раз ее стихи после перечитывания становятся немножко другими. Она была, как всякий настоящий поэт, без возраста. Меня, помню, поразило, как она спрашивает в одном из своих стихотворений Музу: «Ты ль Данту диктовала страницы Ада? Отвечает: «Я». Та же самая Муза, которая Данту диктовала «Божественную комедию», оказывается, разговаривала и с Ахматовой.

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ВЫСТРЕЛ — Даня Каминкер

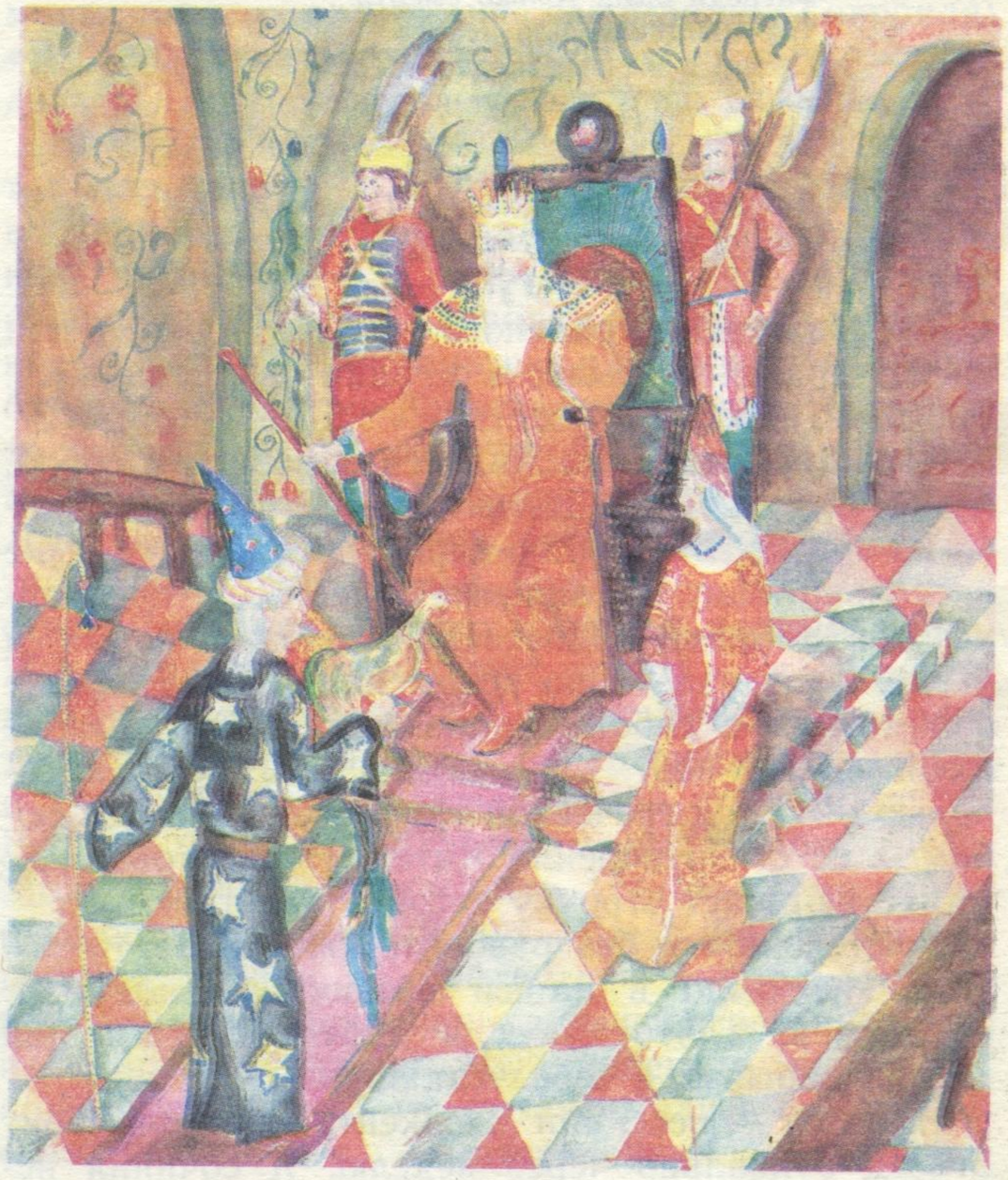
СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ — Иван Аземша

СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ — Леша Химиляйнен

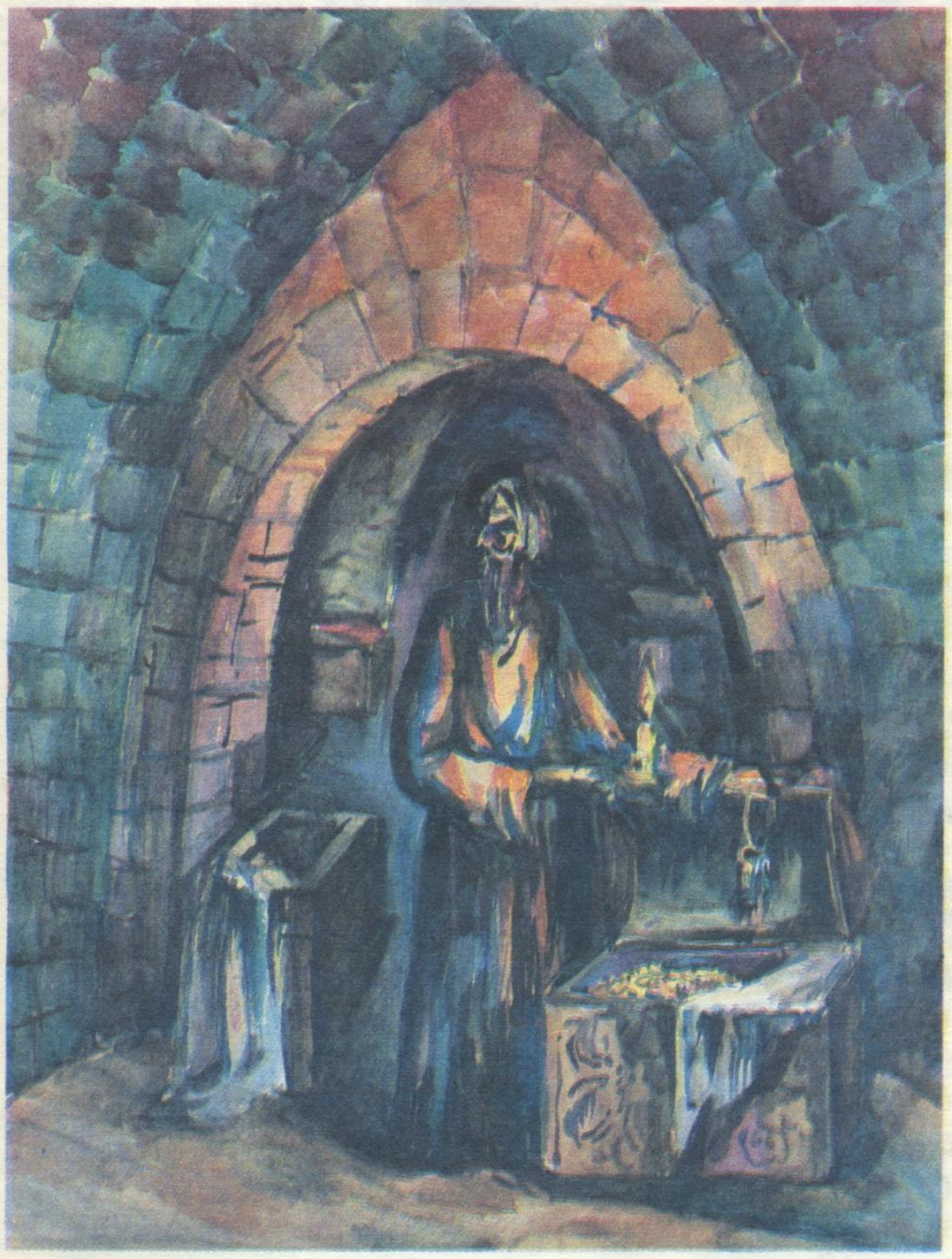
СКАЗКА О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ — Ира Бойкова

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ — Антон Иванов

СКАЗКА О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ Катя Бойко

СКУПОЙ РЫЦАРЬ Галя Шипунова

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА Ира Сеничкина

Пушкин и Ахматова

Анна Ахматова не только очень сильно любила Пушкина всю свою долгую жизнь, начиная с детства и до глубокой старости, но она помнила наизусть буквально все его стихи. Можно было при ней прочитать любую пушкинскую строчку из какого угодно произведения, даже не из стихотворения, а, например, из пьесы, и она тут же продолжала дальше, никогда не ошибаясь. Это прямо-таки поражало всех. Ведь Пушкина все мы любим, но чтобы помнить каждую строку — кто может этим похвастаться? Больше того, она знала — и тоже наизусть — все его письма, и здесь можно было опять бесконечно удивляться — не только памяти, конечно, совершенно необыкновенной,— а ахматовской любви. Чтобы знать наизусть все, что написал поэт, надо его любить, как очень-очень близкого человека. Вот тогда действительно все будет дорого, каждое слово и каждая фраза!.. Тут и учить ничего, наверно, специально не надо — само запомнится.

А надо сказать, что Ахматову с детства буквально все как бы приближало к Пушкину. Ведь ее детские годы прошли в Царском Селе — теперешнем городе Пушкине. Маленькой девочкой она гуляла в знаменитых царскосельских парках, тысячи раз проходила мимо Лицея, видела те же многочисленные статуи богов и героев, стоявших, как и при Пушкине, под сенью деревьев. А иные деревья, кстати, еще помнили лицеиста Пушкина, и гимназистке Ане иногда казалось, что она видит среди влажной зелени быстро мелькающую фигурку курчавого лицеиста. А вдруг он только что был здесь? Вот и трава примята возле старого пня...

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

Парни́ — это французский поэт, его очень любил в свои лицейские годы Пушкин.

А для Ахматовой сам Пушкин был тогда как бы ее божественным ровесником: он — лицеист, она — гимназистка.

В Царском Селе все дышало поэзией и, конечно же, все напоминало о Пушкине.

Вот, например, знаменитая статуя «Девушка с кувшином», находящаяся возле одной из до-

рожек. Скала, а на ней склоненная над разбитым кувшином девушка. Ведь это о ней — пушкинские стихи:

Урну с водой уронив,
об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит,
праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода,
изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей,
вечно печальна сидит.

Много раз вглядывалась Анна Ахматова в эту статую, каждый раз радуясь тому, что она видит то же, что видел и поэт: ведь он ею любовался и о ней, счастливице, написал стихи. И она тоже написала о статуе свое стихотворение. То получилось даже не просто стихотворение, а словно письмо и девушке и Пушкину, причем в этом письме даже есть капля ревности. Она завидует девушке и даже укоряет ее — ей кажется, что она не оценила пушкинской любви и, может быть, даже забыла Пушкина.

Уже кленовые листы
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины.
И, ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

Пушкин сопровождал Ахматову всю жизнь. Или, лучше сказать, она сопровождала его Музу всю жизнь. Со временем Ахматова стала настоящим ученым-исследователем, и крупнейшие специалисты-пушкиноведы советовались с нею. Пушкинские рукописи, варианты, черновики, письма,— все это богатство было ею изучено тщательно и досконально. Она знала все подробности даже бытовой жизни поэта. У нее было свое отношение к Наталье Николаевне, которую она, мягко говоря, недолюбливала, к сестрам жены — Екатерине и Александрине.

А преддуэльная история? Ахматова глубоко проанализировала все ее трагические подробности. Она сделала несколько важных открытий в науке о Пушкине — в пушкинистике. Установила, например, какими источниками пользовался Пушкин, когда сочинял «Золотого петушка».

Открытия Ахматовой, ее тонкие и неожиданные наблюдения были неслучайными: за каждым из них большой вдумчивый труд. А кроме того, она и сама была выдающимся поэтом. Вот почему многое из того, что она доказала в своих статьях, она сначала чисто поэтически прочувствовала, поняла сердцем.

В нашей поэзии она ближе всего стоит к Пушкину.

Ахматова гордилась даже тем, что родилась в том же веке, в каком жил Пушкин,— в девятнадцатом. Своей поэзией — гармоничной, человечной, исполненной добра и красоты, Анна Ахматова прочно связала два века: пушкинский и — наш. В этом — великое значение ее замечательного творчества.

А. ПАВЛОВСКИЙ,
доктор филологических наук
Рисунок А. Лямина

ДУЭЛЬ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

«...Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой». Онегин и Ленский. Всем знакомы эти герои Пушкина. Но это не только герои романа, но и герои замечательной оперы Чайковского «Евгений Онегин».

Каждый певец всегда считал большой честью исполнять главные партии в этом спектакле. Все тенора — Ленского, баритоны — Онегина. Но доверяли это только самым лучшим.

Сейчас в Ленинграде на сцене Кировского театра с огромным успехом идет «Евгений Онегин», где поют тенор Юрий Марусин и баритон Сергей Лейферкус. Как Ленский и Онегин, они во многом противоположны — вокальные голоса, характеры, манеры... Поэтому нам было интересно узнать их мнение об оперном искусстве, музыке и музыкальной культуре.

Уже много раз сходились они на дуэли в спектакле. А чем закончится их теперешняя «дуэль» — разговор, на который они согласились по нашей просьбе?

— Сколько бы мы ни говорили, что опера жива, что она вечна, будем откровенны — интерес к ней падает. И хотя каждый вечер «театр полон, ложи блещут», для многих она — что-то ужасно серьезное, непонятное и грандиозное. Прямо крепость какая-то неприступная, которую и брать не хочется...— Ленский явно наступал. И не производил такого впечатления, как в романе и опере. Он был смел и решителен.

— Помилуйте, но как можно не понимать оперу? Что в ней такого непонятного? Ведь опера — это интересная и увлекательная игра. Да и сам театр привлекателен. Что ж ты думаешь, когда меня в пять лет первый раз привели на оперу, я так все сразу в ней понял? Я рассматривал люстры и зеркала в фойе, а еще — стремился скорее попасть в буфет...

— О, счастливчик! А я-то в твои годы и не мечтал даже попасть в театр. В городе, где я жил, не было ни театров, ни концертных залов, и своему знакомству с музыкой я обязан радио. Тогда передавали много классической музыки, гораздо больше, чем теперь.

— Я не согласен с тобой, Ленский. Ты был необыкновенным ребенком, музыкально одаренным... Обыкновенному человеку мало просто слушать радио, он выключит его, и дело с концом. Кто-то должен взять его за руку и привести однажды в театр, где такая красота,— Онегин не давал спуску.

А что же Ленский?

— А кто ж приведет? Взрослые? Да у нас выросли поколения музыкально безграмотных людей. И какая у них воинствующая и невежественная позиция! Если бы я стал говорить: мне не нужна ядерная физика, я могу прожить и без нее,— это сочли бы ужасно глупым. И правильно. Но когда кто-то говорит: мне не нужна опера, мне не нужен Чайковский — это нормально?

— Так говорят те, кто не слушает музыку. Вот мой сын, когда ему было шестнадцать лет, он ничего не признавал, кроме эстрады и рока. Но однажды я оставил пластинки на проигрывателе. Это был «Реквием» Верди — очень сложная и серьезная музыка. Я вошел в комнату, а он сидит, слушает и — слезы на глазах. Все-таки, как много зависит от случая! Может быть, почаще надо забывать пластинки...

(Ну, может, Онегин имел в виду, что случай нужно подстроить?)

— Ничего страшного, если ребята слушают и рок, и классику. Помнишь, Сережа, мы ведь тоже песни популярные распевали, твист танцевали? И певцы были любимые — Кобзон, Кристалинская... Правда, многие имена забыты. Но пусть простит меня Валерий Леонтьев, но я, как он, смог бы спеть, а вот он, как я, вряд ли. Эстрада, все-таки, это нечто более простое и примитивное.

— Нет, эстрада — это, конечно, здорово. Это такой способ выплеснуть всю свою энергию... Но вот мне, честно говоря, петь на стадионах никогда не хотелось...

(Итак, оперные «звезды» признались, что не хотят поменяться ролями с эстрадными. Интересно, а эстрадные? Впрочем, Сергей Лейферкус имеет, наверное, все основания так говорить, ведь после окончания консерватории он недолго пел в театре Музыкальной комедии...)

— ...хотя, надо признать, все эти эстрадные певцы привлекательны для многих ребят.

— Певцы? Да как можно называть этим словом и Образцову и Пугачеву? — возмущенно воскликнул Ленский.

— Ну, как ни называй, а привлекают. Не знаю, музыкой ли, текстом ли... Но отрицать «Машину времени» и «Аквариум» нельзя. Они просты, доступны, современны.

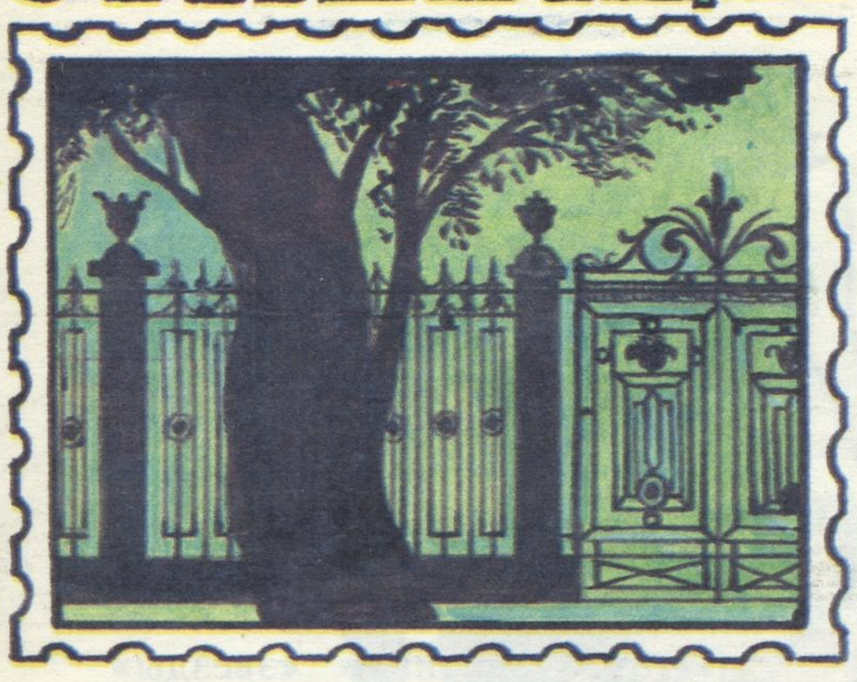
— А «Евгений Онегин» разве не современен? А мой Ленский? Он не таков, каким был в прежние времена, менее напыщенный и сентиментальный. И всякому юному человеку должны быть понятны его чувства. Ему восемнадцать лет, и он ставит на карту все — мечты, идеалы, жизнь...

— Да, и мой Онегин, как это бывает у современных людей, неприступен только внешне, на самом деле он переживает очень глубоко...

— Ну, а музыка Чайковского современна всегда,— сказали они вместе.

И мы поняли, что дуэли между Ленским и Онегиным на этот раз не будет. Марусин Юрий Михайлович и Лейферкус Сергей Петрович, народные артисты РСФСР, лауреаты Государственной премии сошлись в главном: опера не состарилась и ждет новых поклонников. Вас, читатели!

Секунданты И. ОНИ,
В. СТРИЖАК

Каменный остров

Лето 1836 года семья Пушкина провела на даче под Петербургом, на Каменном острове. Острова в дельте Невы — Каменный, Елагин и Крестовский — это особый мир внутри города, его история с петровских времен.

В начале XIX века известные зодчие и садовых дел мастера благоустраивали Каменный остров. Главной дорогой был Каменноостровский проспект. Он и сейчас так называется. Сюда из глубины острова лучами сходятся березовые и липовые аллеи, пролегли каналы с мостиками и прудами. Так было и при Пушкине.

„Под сенью лип..."

Ушло в прошлое пушкинское время. Сохранились немногие вещи, письма, рукописи Пушкина — это бесценные реликвии. Хранят следы Пушкина улицы и дома, где он жил, усадьбы, сады и парки. Многое бесследно исчезло или переменилось до неузнаваемости. Но живы еще деревья — современники Пушкина. Поредели, но все шумят на ветру старожилы Михайловского — вековые ганнибаловы ели. Молодые когда-то липы «аллеи Керн» постарели, одни стоят на подпорках-костылях, другие привалились друг к другу. Но это «те, те самые» липы... В годы войны чудом выжил знаменитый «дуб уединенный» в Тригорском. Фашисты сделали под ним блиндаж, а отступая, оставили огонь и начиненную минами землю... Дуб стоит и поныне.

Сегодня и не поверишь, что дворцы и парки города Пушкина, бывшего Царского Села, были разгромлены, разворованы и сожжены фашистами. «Сады Лицея», где родились первые стихи поэта, по-прежнему зелены и поэтичны.

А пушкинский Петербург... «Весь Летний сад — «Онегина» глава» — писал Маршак. Судьба пощадила Летний сад: как и при Пушкине, шелестят кронами дубы, так же тенисты липовые аллеи. Только мало осталось тех, пушкинских деревьев...

Помнят поэта и другие парки Ленинграда. Следы Пушкина ведут нас на Острова.

Дача Пушкина

На Островах располагались загородные дворцы членов императорской семьи — Елагин и Каменноостровский. В живописных усадьбах, среди зелени и воды, проводили лето состоятельные петербуржцы. Два летних сезона, 1834 и 1836 годов, на даче Доливо-Добровольского по Большой аллее Каменного острова, проживал Пушкин «в своем веселом жилище с молодой семьей и книгами, окруженный всем, что он любил». Так вспоминает о дачной жизни Пушкина французский литератор Леве-Веймар, посетивший поэта в то лето.

Дачный участок, где жили Пушкины, находится по Большой аллее, дом 20. Мы не знаем, как выглядела сама дача. Ее рисунков и чертежей не найдено. От старых построек сохранился только Кухонный флигель. Это единственное уцелевшее здание заброшено, никем не охраняется.

По письмам современников можно предположить, что кабинет Пушкина размещался в угловом дачном здании с видом на набережную Большой Невки, откуда был виден Елагин остров, простор реки с белыми парусами лодок и сады Новой Деревни на другом берегу. Комнаты Натальи Николаевны находились наверху. Дети Пушкиных и сестры жены, по всей вероятности, жили в другом дачном доме в глубине участка, напротив Кухонного флигеля.

Около участка, при въезде, стоят по бокам аллеи два старых вяза. Да еще полуторавековые липы — здешние старожилы: три липы перед дачей — на набережной, одна — на самом участке. Они цвели и в то лето, 1836-го, последнее лето.

Дуб Петра

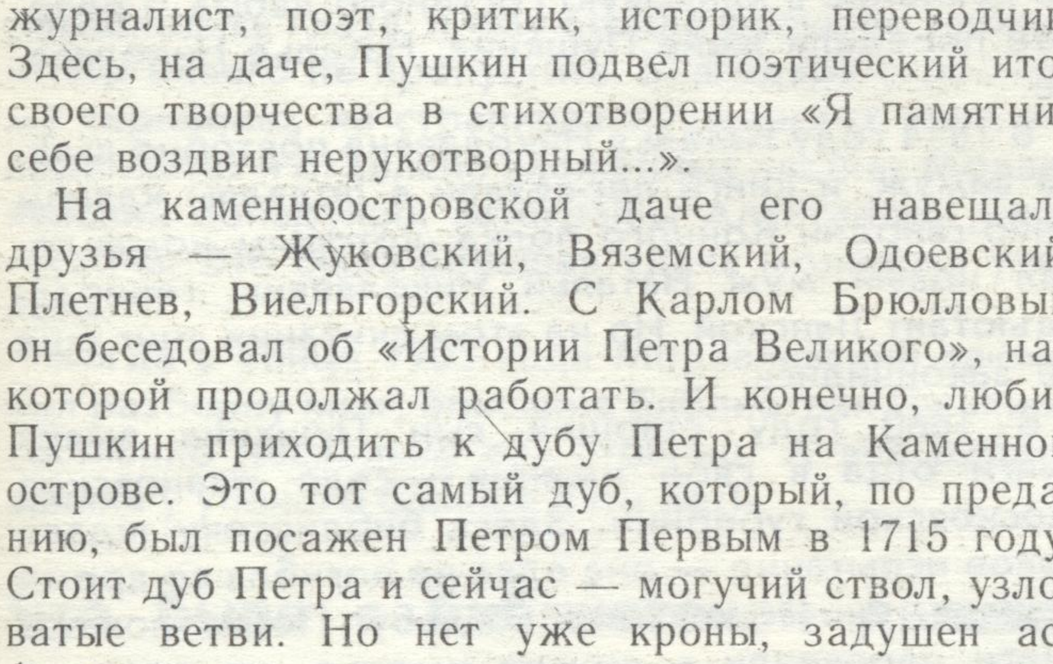
Лето 1836-го было дождливым. А Пушкин втайне радовался ненастью. Вот тогда-то, в дачном уединении, он стал писать «как давно уж не писал». На Каменном острове он пишет статьи для своего журнала «Современник». Завершает исторический роман — «Капитанскую дочку». Это пора творческого подъема: Пушкин — издатель, журналист, поэт, критик, историк, переводчик. Здесь, на даче, Пушкин подвел поэтический итог своего творчества в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

На каменноостровской даче его навещали друзья — Жуковский, Вяземский, Одоевский, Плетнев, Виельгорский. С Карлом Брюлловым он беседовал об «Истории Петра Великого», над которой продолжал работать. И конечно, любил Пушкин приходить к дубу Петра на Каменном острове. Это тот самый дуб, который, по преданию, был посажен Петром Первым в 1715 году. Стоит дуб Петра и сейчас — могучий ствол, узловатые ветви. Но нет уже кроны, задушен асфальтом...

А тогда удивлял силою и непокорностью. Возможно, рядом с ним Пушкин думал, что сумеет противостоять и мелочам жизни, и ударам судьбы...

Здесь ходил Пушкин

На даче Каменного острова, в самый день приезда Пушкина из Москвы, родилась его младшая дочь — Наталья. Ее крестили в церкви Иоанна Предтечи. На Каменноостровском проспекте и сейчас стоит эта красная кирпичная церковь, по-

Летний театр на Каменном острове. Фото с акварели начала XIX века

Место дачи Пушкина. Кухонный флигель

хожая на средневековый готический храм. А рядом — могучие узловатые липы.

Недалеко от дачи Пушкина, у Елагина моста, сохранился до наших дней Летний Каменноостровский театр. Сцена театра была оборудована тогда специальными механизмами, раскрывающими заднюю стену, и спектакль мог разыгрываться на фоне настоящего парка. С площади перед театром открывался удивительный вид с отражением заката на водной глади реки.

Тройная липовая аллея

Кончилось лето, полное трудов. Последнее лето Пушкина. Семья переехала на городскую квартиру на Мойке, 12...

Последний раз на Каменном острове Пушкин был в день дуэли, по дороге на Черную речку. Исследователи предполагают, что Пушкин со своим секундантом Константином Данзасом пересекали Неву по ледовым дорогам, минуя мосты. Их путь через Каменный остров, вероятно, лежал по Тройной Липовой аллее. В центре аллеи проходил канал. Можно представить, как катились сани по боковой аллее. Замерзший канал был покрыт снегом, стволы лип в инее... Стоял январь 1837 года...

Н. ИВАНОВА
Фото Б. Гесселя

Рассказы о библиотеке Пушкина

«Книг, ради Бога, книг!»

Книги Александр Сергеевич Пушкин любил страстно. Когда смертельно раненного на дуэли поэта привезли домой, и он узнал, что жизнь его находится в опасности, он сказал, обращаясь к книгам: «Прощайте, друзья». Они и были его друзьями.

Читать Пушкин начал с раннего детства. Еще совсем маленьким он пробирался тайком в кабинет отца и буквально «проглатывал» все попадавшиеся ему книги. Уже в девять лет он прочитал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, в одиннадцать — познакомился с французской классической литературой XVII века.

Читал Александр Сергеевич помногу и охотно и, отправляясь в путешествия, непременно брал с собой книги. А когда он жил в ссылке в Михайловском, друзья по его просьбе присылали книги по почте. В Петербурге Пушкин знал все книжные магазины. Очень часто его можно было встретить в лавке книготорговца и издателя Смирдина.

На покупку книг Александр Сергеевич тратил большие деньги. В течение одного только месяца 1836 года, когда поэт как никогда испытывал материальные затруднения, он истратил на книги: 16 июня — 58 руб.; 18 июня — 199 руб.; 20 июня — 5 руб.; и в тот же день в другом магазине — 68 руб. А всего за месяц — 758 руб. 50 коп.[1] Интересно сравнить эти расходы с перечнем мелких трат из сохранившегося листка приходно-расходной книжки Пушкина. 8 марта того же года: на извозчика 40 коп. и на булку 6 коп.; 18 марта — на извозчика 15 коп. и на яблоко 5 коп. и т. д., всего же за месяц только 39 руб. 30 коп.!

По свидетельству друга поэта Петра Плетнева «издерживая последние деньги на книги, он сравнивал себя со стекольщиком, которого ремесло заставляет покупать алмазы, хотя на их покупку и богач не всякий решится».

Судьба пушкинской библиотеки

Приобретая книги, Александр Сергеевич собрал замечательную библиотеку. Кто бы только мог подумать, какие тяжелые испытания выпадут на ее долю!

После гибели Пушкина его библиотека и личные вещи поступили в ведение Дворянской Опеки над малолетними детьми поэта. Что делать с библиотекой, никто не знал, поэтому по решению Опеки книги запечатали в ящики и определили на хранение в кладовую Гостиного двора, а позднее передали жене Пушкина, Наталье Николаевне.

В 1844 году Наталья Николаевна повторно вышла замуж, и книги переехали в подвалы казарм лейб-гвардии Конного полка, которым командовал новый муж Натальи Николаевны генерал-адъютант Ланской. Но на этом скитания книг еще не закончились.

В 1860 году старший сын Пушкина вывез книги отца в свое имение — село Ивановское Московской губернии. Здесь библиотеку ждало новое испытание — она едва не погибла во время пожара, уничтожившего усадьбу. После пожара книги перевезли в другое имение, но позднее они возвратились на прежнее место. Трудно сказать, что сталось бы с библиотекой дальше. Наверное, она так и продолжала бы переезжать из одного имения в другое, если бы не новый владелец Ивановской усадьбы — внук поэта Александр Александрович Пушкин.

Академик Майков

В конце прошлого века академик Майков готовил материалы к академическому собранию сочинений Пушкина. К нему-то и обратился Александр Александрович с предложением ознакомиться с книгой Батюшкова из библиотеки своего деда. Просмотрев книгу и обнаружив в ней пометки, сделанные рукой самого Александра Сергеевича, Майков сразу понял огромную ценность и значение библиотеки Пушкина.

У внука поэта он испросил разрешения познакомиться со всей библиотекой, но сделать это помешала смерть Майкова. И все-таки нашелся человек, который занялся разборкой пушкинских книг. Им оказался ученик Майкова, недавний выпускник Петербургского университета Борис Львович Модзалевский.

Пушкинист Модзалевский

В сентябре 1900 года по поручению Академии наук Модзалевский отправился в село Ивановское, где вместе с Александром Александровичем упаковал книги Пушкина в 35 ящиков и на подводах, а затем по железной дороге отправил их в Петербург. Здесь книги временно поместили в Славянское отделение Библиотеки

[1] Во времена Пушкина пуд пшеничной муки стоил 3 руб. 75 коп. Фунт свинины — 11,5 коп., говядины — 12 коп. Пуд соли — 2 руб. 50 коп.

Академии наук, и Модзалевский приступил к работе. Как позднее вспоминал Модзалевский, книги оказались «в довольно плачевном состоянии: многие книги были попорчены сыростью и мышами, многие были помяты или растрепаны».

Модзалевскому предстоял нелегкий труд. Страницу за страницей перелистывал ученый тома пушкинской библиотеки, и все, что примечал, тщательно записывал. Так, Модзалевский указывал формат книги, число нумерованных и ненумерованных страниц, наличие гравюр и экслибрисов, в переплете книга или нет, разрезаны ли страницы и т. д. От книжной пыли у ученого разболелись глаза, и ему стоило больших усилий, чтобы ничего не пропустить. Благодаря огромному терпению, на страницах пушкинских книг, на переплетах и отдельно вложенных листках Модзалевский обнаружил автографы Александра Сергеевича. Это была большая удача молодого ученого.

Когда в конце 1905 года Модзалевский закончил разборку книг, описание библиотеки Пушкина составило несколько сот страниц. А вся работа заняла у ученого больше пяти лет!

Что было с библиотекой дальше

Теперь оставалось определить дальнейшую судьбу пушкинской библиотеки. Первоначально между внуками поэта и Академией наук существовала договоренность, что после разборки книг библиотека будет возвращена ее нынешним владельцам. На просьбу Академии передать библиотеку в ее собственность внуки Пушкина отвечали отказом. Вопрос разрешился сам собой. Нуждаясь в деньгах, Александр Александрович Пушкин летом 1905 года заложил библиотеку. Срок погашения займа истекал в начале 1906 года. Денег к этому времени он не нашел, а посему сам предложил Академии приобрести у него библиотеку деда. Академия наук выплатила внуку Пушкина 18 тысяч и заполучила библиотеку для организовываемого ею Пушкинского дома.

Что читал Пушкин

Ну, а какие же книги были в библиотеке? В перечне Модзалевского — 1522 названия, составляющих три с половиной тысячи томов. Среди пушкинских книг была русская и иностранная художественная литература, книги по всемирной истории, истории церкви и богословию, книги по философии и языкознанию, медицине и географии, этнографии и статистике, а еще — альманахи и периодические издания, руководство к играм, сборники песен и поваренные книги. Была у Пушкина и подборка народных сказок, пословиц и поговорок, а среди них — «Сказки о Бабе Яге. О старике и внуке его петухе». «Сказка о Петре Королевиче, Ивашке Медвежьем ушке» и многие другие. Интересно, что в библиотеке поэта были книги на 14 языках. Вот какая библиотека была у Александра Сергеевича! Но неужели все эти книги Пушкин прочел?

У Александра Сергеевича были любимые книги, которые он много раз читал и перечитывал. Другие были нужны ему для литературной работы. А вообще-то, разные книги Пушкин читал по-разному. Одни только просматривал, из других делал выписки, с третьими подолгу работал. Поэт имел обыкновение читать книги с пером в руках. На полях книг карандашом или чернилами он делал различные пометки и примечания. Так, в книге древних российских пословиц рукою Александра Сергеевича в числе прочих отмечены такие: «Для дураков не за море ездить — и дома есть», «Не спеши казнить, дай выговорить», «На чужой рот пуговицы не нашьешь».

А где сегодня хранятся книги Пушкина?

В Ленинграде.

На Стрелке Васильевского острова стоит красивое старинное здание — знаменитый Пушкинский дом — Институт русской литературы Академии наук СССР. Сокращенно — ИРЛИ. Здесь рядом с бесценными рукописями Александра Сергеевича Пушкина хранится и его библиотека.

В небольшой комнате в высоких — под потолок — застекленных шкафах с бордовыми занавесками выстроились на полках пушкинские книги. Отдельно стоят книги на русском языке, отдельно — иностранные издания. Увы, как стояли книги у самого Пушкина, никто не знает.

Ученый хранитель Пушкинского фонда Татьяна Ивановна Краснобородько мне рассказала:

— Библиотека Александра Сергеевича была первым приобретением Пушкинского Дома и легла в основу его коллекции. На сегодняшний день библиотека включает в себя 3571 книгу, а также больше десятка книг с автографами, которые хранятся среди рукописей поэта.

Все книги Пушкина тщательно отреставрированы, причем последний раз всего несколько лет назад. Во время реставрации сделаны интереснейшие открытия. Так, в одном из томов «Российского Феатра» найдена не замеченная Модзалевским закладка с несколькими словами, написанными Пушкиным. Эта находка позволила уточнить время работы поэта над переводом «Слова о полку Игореве». В другой раз на обложке «Северного Архива» за 1824 год были обнаружены едва различимые рисунки Пушкина. А еще реставраторы составили список книг, находящихся в наиболее ветхом состоянии. За ними установлен особый присмотр. В будущем предполагается поместить такие книги в специальные герметичные футляры, ведь и рукописи, и библиотека Пушкина — наши реликвии.

Но они имеют ценность не только как память о поэте. К пушкинским книгам обращаются исследователи его творчества. В библиотеке они находят ответы на самые разные вопросы, связанные с работой Пушкина над его произведениями. А случается, что ученого приводит сюда даже не интерес к самому поэту, а то обстоятельство, что есть книги, которые сохранились только в библиотеке Александра Сергеевича.

В. ПАРФЕНОВ

„Только версты полосаты..."

Не счесть этих «верст полосатых» — столбов верстовых, что промелькнули перед глазами Александра Сергеевича Пушкина, не счесть подорожных, отмеченных каракулями станционных смотрителей. Не случайно ведь в стихах поэта так часто упоминаются дороги — то снежные, то пыльные, то в грязи непролазной тонущие.

А что если и нам в путь отправиться? По дорогам Пушкина? От города к городу, от герба к гербу?

Начать тогда придется с Москвы. Там он родился в 1799 году.

На древнем московском гербе изображен был скачущий всадник, пронзающий копьем дракона. Всадник этот появился вскоре после того, как Дмитрий Донской одержал победу на Куликовом поле и навсегда освободил Русь от монгольского ига. Сын Дмитрия Донского Василий и повелел изобразить победоносного всадника на своей печати.

Двуглавый же орел появился при Иване III. Когда-то орел этот был государственной эмблемой Византии, но в XV веке Византийское царство перестало существовать, столицу его Царьград завоевали турки. Ото всей византийской императорской династии одна-единственная наследница осталась — Софья Палеолог. Женившись на ней, великий князь Московский Иван III «перевез» в Россию и двуглавого орла.

Первое путешествие маленького Саши Пушкина было недальним. В 1804 году его бабушка Ганнибал приобрела маленькое сельцо Захарово, расположагавшееся в Звенигородском уезде под Москвой. Звенигород славился своим колокольным звоном, потому и в нижней части герба его изображен медный колокол.

Следующее путешествие было уже подальше — в Петербург. 19 октября 1811 года в пригороде столицы Царском Селе был открыт Лицей — новое для страны учебное заведение. Пушкин попал в число его первых воспитанников.

Впервые тогда в Петербурге юный Пушкин увидел широченную реку, почувствовал порывы морского ветра. О гербе же города узнал следующее: два якоря, положенные крестом, говорили о том, что город сей — морской и речной, скипетр, лежащий на них, символизировал то, что Петербург — столица государства.

Настоящие же «версты полосаты» замелькали уже после того, как Пушкин закончил Лицей, начал писать стихи и за один из них — оду «Вольность» — заслужил царскую немилость. Старшим друзьям поэта — Карамзину и Жуковскому — удалось избавить его от более строгого наказания, и поэт был отправлен из столицы в изгнание. Впрочем, называлось оно по-другому: «назначение», но это дела не меняло.

Пять месяцев провожали Пушкина «версты полосаты» по землям белорусским, украинским. Сначала до Елизаветграда, а потом с семейством генерала Раевского — на Кавказ.

Конечным пунктом первого дальнего путешествия поэта был город Кишинев. На своем гербе имел он золотую буйволову голову (перешедшую на него с древних тирских монет), звезду о пяти лучах, розу и полумесяц. По щиту герба шла кайма из отдельных квадратиков: золотых — цвета щита Российского герба, черных — цвета двуглавого орла, серебряных — цвета лошади и всадника герба Московского.

В августе 1823 года Пушкин перебирается в Одессу. Герб ее разделен на две части: в верхней — двуглавый орел, в нижней — серебряный якорь. Характер у поэта был непоседливый, а потому он неутомимо ездит и ездит. Судите сами: по Украине Пушкин совершил 22 поездки, свыше шести тысяч верст покрыл.

И снова пролегла ему дорога на север. 24 июля 1824 года крамольному поэту было объявлено о «высочайшей воле» ехать в ссылку в родовое село Михайловское, что лежит на Псковской земле.

Герб города Пскова — до сих пор загадка для ученых. В указе 1666 года говорилось: «Печать Псковская, на ней рысь бежащая». В XVIII веке сообщается уже иное: «В голубом поле барс, и над ним выходящая из облака

рука». Рыси в Псковской губернии водились, барсы — никогда. Что же касается руки, из облака выходящей, то смысл ее до сих пор не разгадан.

Немало «верст полосатых» осталось за спиною поэта и на соседней земле — Тверской. Мелькают на страницах пушкинских книг названия: Торжок, Старица, Вышний Волочек, Городня, Берново, Грузино, Малинники... Тверское удельное княжество долгое время спорило с Московским о первенстве на Руси. Наверное, от тех споров и остался след на гербе Твери: скамья, а на ней корона царская.

С берегов Верхневолжья пролегли поэту пути и в Заволжье. В 1833 году, работая над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой», Пушкин посетил Нижний Новгород (ныне Горький), Казань, Оренбург, Уральск, Симбирск...

О гербе Нижнего Новгорода до сих пор споры идут: олень изображен на нем или лось? Известно, что олень тот перешел на герб со знамен нижегородских пехотного, драгунского и гренадерского полков — красный олень на белом поле. При Петре I олень тот был золотым и ступал по зеленому полю. Но еще в 1666 году записано: «Печать Нижегородская, на ней лось ступает...»

Вдоль и поперек изъездил свою страну Пушкин: от берегов Балтийского моря до Арзрума в горах Закавказья, от Молдавии — до Уральска. Около тридцати пяти тысяч верст преодолел

То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком.

И часто случалось так, что

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.

Карту России с маршрутами поездок Пушкина смотрите на обложке журнала. А знаете ли вы гербы городов, в которых сами живете? Расскажите историю их создания.

В. СУСЛОВ

Вслед за Пушкиным

Это путешествие, если вы его совершите, будет долгим и увлекательным. Вы проедете не одну тысячу километров от Москвы до Оренбурга и Уральска по тому маршруту, который проделал Пушкин. Он ездил в эти степные края собирать материалы для своей книги о Пугачеве. В итоге появилась не одна, а две книги: «История Пугачева» — научное исследование, и «Капитанская дочка» — роман.

Крепость в романе «Капитанская дочка» «списана» с тех реальных крепостей и станиц, в которых побывал Пушкин,— той же Нижнеозерной, Рассыпной, Татищевой... Пушкинисты считают, что «ближе» всего к Белогорской крепости — Татищево.

Сейчас Татищево не напоминает ту станицу, которую увидел Пушкин. Хотя и сейчас где-нибудь в стороне от главных улиц, на задворках, стоят обмазанные глиной сараюшки и плетни, наверняка похожие на те, что были характерны для этих мест и сто и двести лет назад.

Но историю в Татищеве помнят, гордятся ею. Ученики и учителя местной школы создали музей. Он размещен в школе, в большой комнате, хорошо оформлен. Таким музеем могла бы гордиться не только станица, но и город. В музее все подлинное — казачья одежда, оружие пугачевской эпохи, домашняя утварь, документы, книги, фотографии.

На одном из стендов — список тех, кто пал смертью храбрых на полях Великой Отечественной войны. Огромный список. Огромный для такого, по сути, небольшого в масштабах русской земли места, как станица. В списке — сто двадцать два татищевца.

Неподалеку от школы, в палисаднике, среди щедро разросшихся кустов стоит бюст Александра Сергеевича Пушкина. Очень живой и выразительный скульптурный портрет поэта, вырезанный из камня...

Это благодарная память татищевцев поэту, который увековечил их станицу в своих произведениях — в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке». Это и благодарная память татищевцам, подарок им, родной станице. Его сделал оренбургский скульптор Петр Григорьевич Сурначев — один из славной семьи татищевцев, которые навечно занесены в список погибших в последней великой войне.

За станицей, в холмистой степи, сохранился еще один памятник — но другого рода, из тех времен, когда не было асфальтированных шоссе, а по грунтовым дорогам ездили в колясках или бричках, запряженных чаще всего тройкой лошадей.

Именно так путешествовал Пушкин.

От той, пушкинских времен, дороги остался здесь в районе Татищево старый мост. Он сохранился, потому что был каменный, но оказался не у дел — новую, более короткую дорогу в Оренбург проложили в стороне.

А мост красив. Две его арки перекинуты через овраг. Дорога, спускаясь к мосту, уходит затем вверх и пропадает за гребнем холма. По той дороге возят сено, хлеб. Он все еще служит людям, старый кирпичный мост, по которому, как гласит предание, дважды проезжал Александр Сергеевич Пушкин.

Маршруты пушкинских путешествий — это незримые путеводные нити, которые соединяют в нашем сознании отдельные, разрозненные оазисы национальной культуры, дорогие нашим сердцам места.

Игорь СМОЛЬНИКОВ

В БАРАБАН пришло письмо

ЭКСКУРСИЯ НА ЗАВОД

Мою бабушку зовут Тамара Ивановна Худякова.

Однажды, когда я был у нее в гостях, в Сестрорецке, она спросила:

— Хочешь побывать на заводе, где я работаю?

Я согласился. И мы пошли на сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова.

На заводе мы сперва пришли в музей. И первое, что я увидел,— были винтовки и пулемет.

— Это посмотрим потом,— сказала бабушка.— А сейчас иди сюда.— И показала на стенд, где находится аттестат об окончании ремесленной оружейной школы.

Я стал его смотреть, а она подсказывает: «Твоего прадедушки — Ивана Васильевича Кузьмина».

Я понял, оружейная школа — это что-то вроде ПТУ, а зачем чистописание — не понял.

— Иван Васильевич говорил, чистописание — прежде всего прилежание. Выводить на бумаге каждую буковку надо аккуратно, старательно. Так и в слесарном деле — начнешь спешить, и ничего не получится.

— У Ивана Васильевича,— продолжала бабушка,— был друг, Николай Александрович Емельянов. Помнишь, как Владимир Ильич Ленин скрывался от ищеек Временного правительства?

— Да,— говорю,— читал. Он в шалаше скрывался.

— Правильно, на Емельяновском покосе. А их покос был рядом с нашим. И шалаш этот дедушка хорошо знал, когда приходил к Емельянову.

А на другом стенде я увидел орден своего дедушки, Германа Николаевича Худякова. До войны и после нее он был на заводе начальником цеха.

После музея мы пошли смотреть завод. В одном цехе бабушка остановилась возле станка и говорит:

— Станок-полуавтомат Николая Николаевича Худякова, твоего прадедушки. Сорок восемь лет он здесь отработал. И все время что-то изобретал, усовершенствовал, потому и работает этот станок до сих пор не хуже новых.

А в инструментальном цехе я неожиданно встретил дядю Леву, брата моей мамы. Спрашиваю:

— Дядя Лева, вы винтовки в цехе не делаете?

— Нет,— засмеялся,— не делаем. Есть вещи поинтереснее. Например, фрезы для обработки янтаря. Наверное, ты читал про Янтарную комнату...— Он еще что-то хотел сказать, но тут его куда-то позвали.

Дома о своей экскурсии я рассказал маме.

— Видишь, как я много узнал о наших родственниках?

К моему удивлению, мама сказала, что мало.

— Ты еще ничего не знаешь о Льве Николаевиче, который работал директором завода. О слесаре Николае Ивановиче Кузьмине, который многие годы считался без вести пропавшим на фронте, пока красные следопыты не восстановили историю его подвига. И вообще всех наших, что трудились и трудятся на этом заводе, не так-то просто даже перечислить. Это же — рабочая династия.

Рассказ Кости Леонова,
ученика 6-в класса
43-й ленинградской школы
записал
А. РЯБКОВ

ЧЕМПИОНАТ

Кто получит еще 10 очков, нужных для выхода в финал? Посмотрим... Итак, шестой тур!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крс6, Сb4, Кg6, п.b2; черные: Кра6, пп.a7, b6.

Б. Белые: Крс6, Лb5; черные: Кре8, Сd8.

Цель разведки: в А (С. Орлов) найти способ дать мат в 5 ходов, в Б (Э. Погосянц) показать белым путь к выигрышу.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: b2, b6, c1, d4, f2; черные: b4, d6, e3, f6, h6.

Б. Белые: b2, b6, c7, d4, e5, g1; черные: c3, d8, e7, g3, g5, h8.

Цель разведки: и в А и в Б автор (Б. Ручкин, Кировск) спрашивает — «Кто возьмется за белых выиграть?», надо ему ответить.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 28, 31, 37, 38, 40, 47, 49; черные: 8, 9, 16, 17, 19, 29, 39.

Б. Белые: 27, 37, 38, 41, 42, 43, 47; черные: 8, 14, 18, 26, 29, 33, 36.

Цель разведки: выявить, могут ли белые в А и Б довести игру до победы.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Крс4, Лh3, п.c7; черные: Кра4, п.a6. В том, что ты тут за белых выиграл бы, сомнений нет. «А как быстро — во сколько ходов — сумеешь ты здесь дать мат? В два хода — сумеешь?» — спрашивает автор Николай Зиновьев (Усть-Каменогорск).

КИОСК «МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

— Как решаются этюды?

— Вот пример (А. Троицкий). Задание к позиции на диаграмме — «Выигрыш». Это значит, что за белых надо найти такие ходы, при которых черным не удастся спастись. Число ходов можно не считать (этим этюд отличается от задачи). Итак, решаем: 1.h7. Пешка грозит стать ферзем. У черных две защиты — 1... Лd8 и 1... Лh2. Первая из них опровергается так — 2.Лc6+ Крd1 3.Лd6+! Л:d6 4.h8Ф (на этом решение можно закончить, до мата доводить не нужно). Вторая защита... Впрочем, вторую защиту поручается, доблестные разведчики, опровергнуть вам!

ОТВЕЧАЕТ ПЕШКОЕДОВ

«Что такое кооперативный мат?» — спрашивает Володя Ишпахтин (п. Речной).

Это особый вид шахматной композиции. Если в обычных задачах черные мешают белым выполнять задание, то в задачах на кооперативный мат — наоборот: черные помогают белым объявить мат черному королю (который и сам этого хочет!). **В этих задачах начинают черные.** И еще: в них допускается иметь несколько решений.

Вот пример — белые: Крh4, Лg6, Се8; черные: Крh2, п.e2. Кооперативный мат в 2 хода, два решения. а) 1.e1Л! Сc6 2.Лh1 Лg2X; б) 1.Крh1 Крh3 2.e1С! Сc6X.

«Что такое легальность позиции?» — спрашивает Миша Козлов (Рига).

Под легальностью позиции понимается возможность возникновения ее в практической партии. Одно из требований к задачам (этюдам) — легальность их позиций. Если это требование не соблюдено, то такая задача теряет право на существование. Вот, например, как разведчица Наташа Ютанова (Москва) доказала, что позиция в задаче А. Шапошникова (см. «Костер» № 8, 1986) нелегальна. В авторском решении этой задачи приводилось положение — белые: Крf6, Кf4, п.g6; черные: Крh6, пп.h5, h7. И ход белых.

«Такое положение нелегально: в игре оно возникнуть не может! — написала Наташа.— Раз тут ход белых, значит, перед этим только что пошли черные? Но как же они пошли!? Ни одного хода не могли они сделать!»

Что ж, доказательство Наташи не оспоришь, и потому задача эта перестала существовать.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКа

В конкурсе «Стол находок» («Костер» № 12, 1988) приз получила (по жребию среди верно решивших) Таня Кудряшова (Молодечно). В этой задаче дается мат в 2 хода (от которого «шахматные стрéлки» на диаграмме соединяются) так — 1.К:e5+Кр:e5 2.Ф:e4X.

В конкурсе «Новогодний приз» («Костер» № 12, 1988) решения позиций такие.

ШХМ. № 1. На f3 Б.п., на e5 и e6 Ч.пп. И тогда — 1.Фg5! **№ 2.** Белые стояли — Крe6, Фc8, пп.c2, f2. И тогда — 1.Крd6! **№ 3.** В два — 1.Фe4! **№ 4.** В два — 1.Лa7! **№ 5.** В три — 1.g8Л! и т. д.

РШ. № 1. 1.b8 d4 2.d6!X. **№ 2.** 1.h8 f4 2.g7! e3 3.h6X. **№ 3.** 1.f2! g7 2.hg3X. **№ 4.** 1.g5 g7 2.f2 h6 3.g3! — ничья. **№ 5.** 1.g3 c3 2.f4 b2 3.e5 a1 4.d6 f6 5.f2 b6 6.e3 d8 (h4 7.f4!=) 7.d4 — ничья.

МШ. № 1. 1.34! 2.21X. **№ 2.** 1.41! 2.39! 3.21X. **№ 3.** 1.30! 2.33! 3.26X.

НАГРАЖДАЮТСЯ (по жребию среди верно решивших) —

ШХМ. За № 1 — Сережа Кулаев (Воткинск), за № 2 — Сережа Кобяков (Пермь), за № 3 — Игорь Бекейкин (Саранск), за № 4 — Юля Кошелева (Севастополь), за № 5 — Владислав Шубик (Смоленск), за все пять — Марсель Мурадымов (Альметьевск), А. Паршаков (Аша), В. Письменов (Нижняя Салда).

РШ. За № 1 — Саша Середенин (Москва), за № 2 — Эдуард Иштымчев (Ижевск), за № 3 — Игорь Федоров (Плесецк), за № 4 — Саша Юн (Кзыл-Орда), за № 5 — В. Лашинов (Набережные Челны), за все пять — Марина Конева (Свердловск), Вадим Султанов (Давлеканово), Андрей Казанцев (Березники).

МШ. За № 1 — Надя Алексеева (Архангельск), за № 2 — Филипп Тер-Ованесов (Москва), за № 3 — Павел Гришин (Свердловск), за все три — Диана Иелея (Рига), Саша Абрамов (о. Сахалин), Витя Саблин (Бугуруслан).

Отличные донесения прислали и многие другие разведчики.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

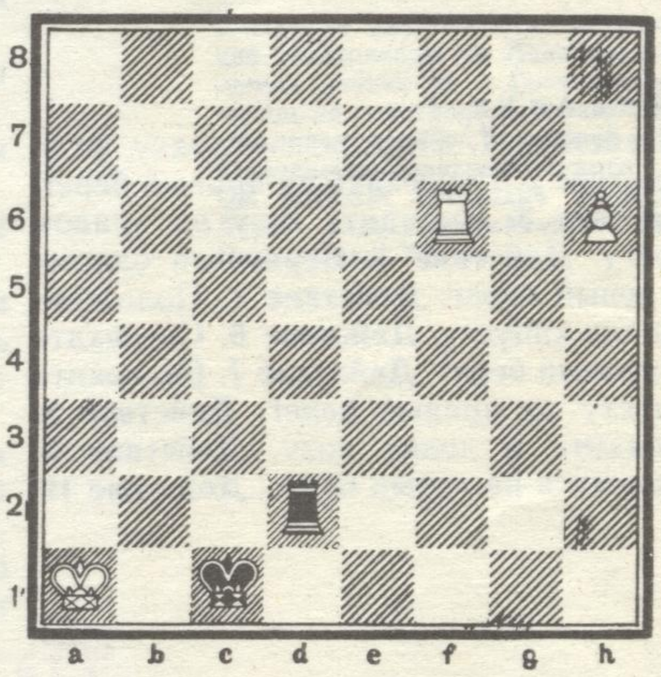
Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1.Крe7 Крc6 2.Фb3; 1... Крc8 2.Фb2. **Б(а).** 1.Фd3! Кe5 2.Фf1; 1... Кf4 2.Фf3+; **(б).** 1.Фf1! Кe5 2.Крb1.

РШ. А. 1.b4! 2.cd2! 3.e7 4.c5!X. **Б.** 1.ed6! 2:h6 3.d2 b2 4.c1!X.

МШ. А. 1.32! 2.42 3.17X. **Б.** 1.48—42!X.

Резерву. 1.Лd8.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

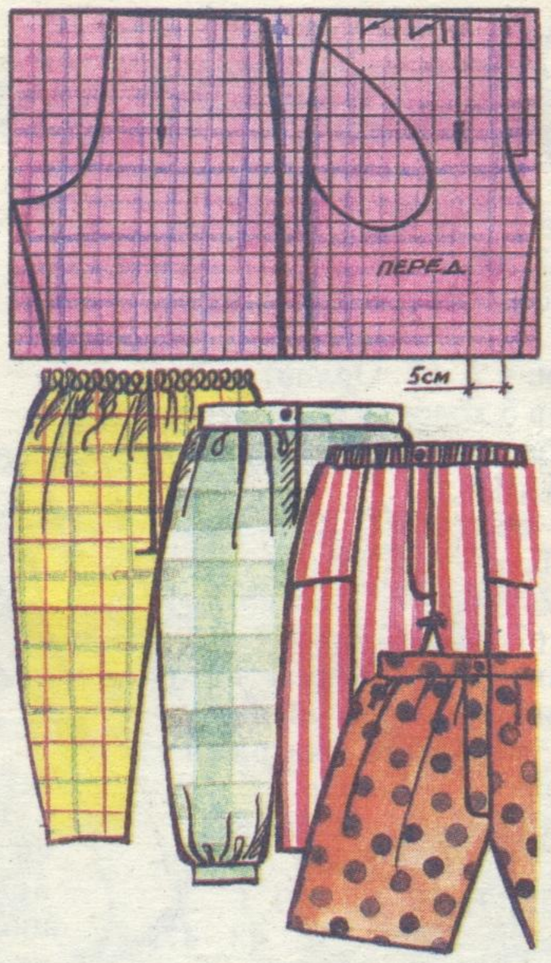
§ 1. Всем арчебековцам отправить рапорты до 15 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Девочка, которая владеет навыками шитья, может сшить себе на лето ШОРТЫ. Шьются они из любой подходящей ткани: однотонной, с рисунком, в полоску, в клетку. Карманы — накладные или боковые, но можно обойтись и без них. Если ты не умеешь сделать пояс на застежке, собери верх на широкую резинку. По той же выкройке (размер ее 44—46) шьются и БРИДЖИ. Выкройку нужно удлинить и заузить внизу. Штанины (по желанию) подогнуть или посадить на манжеты.

МАШИНА ПОЧТА

Многие девочки в своих письмах спрашивают: существует ли средство для укрепления волос? Я знаю одно народное средство и в связи с этим хочу рассказать о чудодейственной траве — КРАПИВЕ, удивительном растении, которое выпалывают в садах и огородах как злостный сорняк. Наверно, вы знаете, что весной молодые побеги крапивы используют в щи, супы, салаты (предварительно обдают кипятком). Но вряд ли вам известно, что крапива обладает свойством сохранять быстропортящиеся продукты. Выпотрошенная рыба, набитая и обложенная крапивой, долго сохраняется. Издавна использовали крапиву и как средство для укрепления волос. Сухие листья крапивы (собирать в пору цветения) с равным количеством мать-и-мачехи (собирать весной) настаивают и ополаскивают волосы после мытья, втирают в корни волос. Берут три столовых ложки сухих листьев на литр кипятка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ № 2

Задача 1.

1. «Тимофей, старый кот, плохо ловит мышей.
Васька, молодой кот, чемпион по рыбной ловле.
Базилио, старый кот, хитрый плут».
«Кто такой Васька?»

2. Клавиатура. 3. В память. 4. Компьютер нашел в своей памяти запись, в которой говорится о Ваське. 5. Процессор. 6. В память. 7. На монитор.

Задача 2.

1. Пример для решения. 2. Правила выполнения операций. 3. Петя составил план действий, потом выполнил эти действия в соответствии с планом. 4. Число 4.

Задача 3.

1. План решения задачи и значения букв a и b. 2. Компьютер выполнял действия плана, подставляя вместо букв a и b их значения. 3. Получено решение примера в $(a+b)\times 2$. 4. План решения остался неизменным, а значение букв a и b изменилось. 5. Результат=22.6. ∅ и 1. 7. 4. 8. 20.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ № 3

Задание 1.

Действие 1. Посадить в лодку козу. **Действие 2.** Переехать на правый берег. **Действие 3.** Высадить козу на правом берегу. **Действие 4.** Вернуться одному на левый берег. **Действие 5.** Положить в лодку капусту. **Действие 6.** Переехать на правый берег. **Действие 7.** Выложить капусту на правый берег. **Действие 8.** Посадить в лодку козу. **Действие 9.** Вернуться на левый берег. **Действие 10.** Высадить козу на левом берегу. **Действие 11.** Посадить волка в лодку. **Действие 12.** Переехать на правый берег. **Действие 13.** Высадить волка на правом берегу. **Действие 14.** Вернуться одному на левый берег. **Действие 15.** Посадить в лодку козу. **Действие 16.** Переехать на правый берег. **Действие 17.** Высадить козу на правый берег.

Задание 2.

1. 1—3 **2.** 1—2. **3.** 3—2. **4.** 1—3. **5.** 2—1. **6.** 2—3. **7.** 1—3.

Задание 3.

1. КБ a1—c2 **2.** КЧ в3—a1 **3.** КБ c1—в3 **4.** КЧ c3—a2 **5.** КБ в1—c3 **6.** КЧ a3—в1 **7.** КБ c2—a3 **8.** КЧ a2—c1.

Задание 4.

1. КБ a1 — c2 **2.** КБ c1 — b3. КЧ c3 — a2 **4.** КЧ a3 — b1 **5.** КБ c2 — a3 **6.** КБ b3 — a1 **7.** КЧ a2 — c1 **8.** КЧ b1 — c3 **9.** КБ a3 — b1 **10.** КБ a1 — c2 **11.** КЧ c1 — b3 **12.** КЧ c3 — a2 **13.** КБ b1 — c3 **14.** КБ c2 — a3 **15.** КЧ b3 — a1 **16.** КЧ a2 — c1.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ № 4

Задание 1 (один из вариантов).

1. Вперед. **2.** Переведи. **3.** Назад. **4.** Отцепи. **5.** Вперед. **6.** Переведи. **7.** Назад. **8.** Переведи. **9.** Вперед. **10.** Переведи. **11.** Вперед. **12.** Прицепи. **13.** Назад. **14.** Переведи. **15.** Вперед. **16.** Отцепи. **17.** Переведи. **18.** Назад. **19.** Переведи. **20.** Назад. **21.** Отцепи. **22.** Вперед. **23.** Переведи. **24.** Назад. **25.** Переведи. **26.** Вперед. **27.** Переведи. **28.** Вперед. **29.** Прицепи. **30.** Назад. **31.** Переведи. **32.** Вперед. **33.** Отцепи. **34.** Назад. **35.** Переведи. **36.** Вперед. **37.** Переведи. **38.** Назад. **39.** Переведи. **40.** Назад. **41.** Прицепи. **42.** Прицепи. **43.** Переведи. **44.** Вперед. **45.** Переведи. **46.** Вперед.

Задание 2 (один из вариантов).

кр — зел (3 0 5), зел — гол (3 3 2), гол — кр (6 0 2), зел — гол (6 2 0), кр — зел (1 2 5), зел — гол (1 3 4), гол — кр (4 0 4)

Конкурс! Конкурс! Конкурс!

Однажды два молодых наездника побились об заклад, кто кого перегонит. Но никто из них так и не стал победителем.

Тогда они решили, что победит тот, чей конь придет в назначенное место вторым, а не первым. Но, когда наступил час состязания, ни один из спорщиков не двинулся с места. Что же делать? Зрители, решив, что такой спор невозможен, стали уже расходиться, когда к наездникам подошел седой казак и что-то сказал им. Через несколько мгновений оба всадника помчались во весь опор.

Что же сказал всадникам казак? Ведь условие осталось прежним: выиграет тот, чей конь придет вторым. **20 очков.**

За семью печатями

Конкурс кроссвордов

Инга Каратаева из Палдиски Эстонской ССР прислала нам пушкинский чайнворд.

1. Царь, герой одной из сказок Пушкина. 2. Герой сатирической поэмы Пушкина. 3. Волшебница из поэмы «Руслан и Людмила». 4. Литературное общество, в котором участвовал Пушкин. 5. Журнал, начатый Пушкиным. 6. Стихотворение Пушкина. 7. Героиня поэмы. 8. Город, который посетил Пушкин во время поездки на Кавказ. 9. Село в Псковской области, место ссылки Пушкина. 10. Герой одной из сказок Пушкина.

Литературно-историческая викторина

1. Жизнь и творчество Александра Сергеевича Пушкина неразрывно связаны с Петербургом. В каком произведении поэт прямо говорит о своей любви к этому городу?

2. «Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит»,— писал однажды Пушкин. О каком «зеркале» идет речь? Кто его создатель?

3. Из десяти опер Петра Ильича Чайковского две наиболее яркие созданы по мотивам произведений А. С. Пушкина. Что это за оперы?

4. Одна из повестей Николая Васильевича Гоголя носит название главной улицы Петербурга — Ленинграда. Как называется эта повесть?

5. У Николая Алексеевича Некрасова есть стихотворение, начинающееся словами: «Вчерашний день, часу в седьмом зашел я на Сенную...» Как теперь называется эта площадь в Ленинграде? Если вы внимательно читали этот номер «Костра», ответить вам будет легко.

6. Из каких произведений пошли крылатые выражения: «Там русский дух, там Русью пахнет», «Есть еще порох в пороховницах», «А ларчик просто открывался», «И дым отечества нам сладок и приятен».

Ответы на задания

Прогулка на автомобиле. Внук ответил — 50 км/ч. Правильный ответ — 48 км/ч.
Конкурс кроссвордов. 1. Амазонка. 2. Висла. 3. Сенегал. 4. Нельсон. 5. Нигер. 6. Енисей. 7. Индигирка. 8. Днепр. 9. Замбези.
В темных клеточках — Миссисипи.
Загадочная планета. Луна.

Главный редактор
О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:
В. М. ВЕРХОВСКИЙ
О. П. ОРЛОВ
Р. П. ПОГОДИН
Е. В. СЕРОВА
Н. И. СЛАДКОВ
А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь)
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
А. Н. АЗЕМША

Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор
Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции:
193024, Ленинград,
ул. Мытнинская, 1/20,
телефон: 274-15-72

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

Сдано в набор 07.02.89.

Подписано в печать 11.04.89.

М-21088

Формат 60×90 1/8

Печать офсетная

Бумага офсетная, 80 гр.

Усл. печ. л. 6

Усл. кр.-отт. 22

Уч.-изд. л. 8,1

Тираж 1 350 000 экз.
(2-й завод 70 001—1 350 000 экз.)

Заказ № 1872

Цена 30 к.

Текстовые диапозитивы, диапозитивы иллюстраций изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР. Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 9—223. Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

30 к.
Индекс 70445

Восток 2/2 - 51

